

[Polaris]

ПУТЕШЕСТВИЕ КАПИТАНА САМУИЛА БРУНТА

В КАКЛОГАЛИНИЮ,
или землю петухов,
а оттуда
в Луну

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

СССЛIII

Salamandra P.V.V.

ПУТЕШЕСТВИЕ КАПИТАНА САМУИЛА БРУНТА

*в Наклогалинию,
или землю петухов,
а оттуда
в Луну*

Salamandra P.V.V.

Путешествие капитана Самуила Брунта в Каклогалинию, или землю петухов, а оттуда в Луну. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 98 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCLIII).

«Путешествие капитана Самуила Брунта в Каклогалинию», сочинение неизвестного английского автора, впервые изданное в 1727 г., достаточно хорошо известно западным любителям фантастики — это и фантазия о полете на Луну, и «гулливеровская» сатира. Известно оно было и русским читателям, но лишь в XVIII веке, когда перевод «Путешествия» вышел двумя изданиями. С тех пор книга не переиздавалась.

**ПУТЕШЕСТВИЕ
КАПИТАНА
САМУИЛА
БРУНТА**

ПУТЕШЕСТВІЕ
КАПИТАНА
САМУИЛА БРУНТА
ВЪ
КАКЛОГАЛИНІЮ,
или
ВЪ ЗЕМЛЮ ПѢТУХОВЪ, А ОТ-
ТУДА ВЪ ЛУНУ.

Сочиненіе славнаго Аглин-
скаго писателя Г. Д.
Свифша.

Переводъ съ Нѣмецкаго языка.

Изданіе второе

МОСКВА.
ВЪ Университетской Типографіи
у Н. Новикова,
1788.

Описывающие нам о своих путешествиях подают прежде всего о фамилии своей обстоятельные известия, в которых не упускают хвалиться древностью своего рода или, по крайней мере, превозносить добродетели своих предков; но как читатель не имеет в том почти ни малейшей нужды, то я правило сие оставляю, почитая оное с моей стороны бесполезным, да еще и смешным. Скажу же только, что родителей моих лишился я в самых младых летах и воспитан был у деда с матерней стороны, который в городе Бристоле между довольно знатными гражданами почитался и который, как скоро достиг я тринадцати лет, сделал меня купцом с тем, чтобы я купечеству научился.

Первые два раза ездил я в Ямайку, но при том не случилось со мной ничего особенного; в третий же раз отправился я в Гвинею и Ямайку, куда прибыл благополучно. Но как там происходила война, и находившиеся со мною на корабле люди крайне опасались, чтобы их не захватили, то выступило нас на берег только двенадцать человек, также и я, несколько к восточной стороне у Порто-Маурато, откуда намерились мы идти в Порте-Реал пеши. Не чая попасться в какую опасность, не взяли мы с собою никакого оружия. Но спустя с час по выступлении нашем вдруг увидели себя со стороны Арапами окруженными, кои все вооружены были и, не проговоря ни слова, по нас выпалили, осьмерых застрелили, а прочих ранили, причем и мне попала в правую руку пуля.

Видя, с каким успехом по нас выстрелили, бросились они к нам с топорами; и хотя мы их о помиловании просили, однако они оставшихся моих четырех товарищей порубили немилосердным образом.

Равную же судьбину испытал бы и я, если бы предводитель сих убийцов не удержал топора, вознесенного уже над моею головою; он удержал руку моего неприятеля, сказав: «Не умерщвляй его, пускай он останется жив». Я не знал, чему надлежало приписать сие человеколюбие, и сохранение моей жизни произвело во мне не менее удивления, сколько радости.

После сего отрубили они товарищам моим головы и понесли их с собою на горы; я же, окружен будучи ими со всех сторон, пошел с ними.

Дорогою терзался я жесточайшими размышлениями, жалел о гибели моих товарищей и стократно проклинал свою судьбину, для чего даровавший мне жизнь Арап поступил со мною столь человеколюбиво; воображал себе, что, конечно, оставлен я был для претерпения мук гораздо несноснейших, нежели смерть самая или, по крайней мере, сохранен я для того, чтоб женам и детям сих убийцов служить игралищем. Но защитник мой, приметя мое смущение, подошел ко мне и сказал: «Не печалься, друг мой! ты, конечно, меня не знаешь?» Я посмотрел на него со вниманием и вспомнил, что он у приказчика моего, который на сем острове имел селение и жил издавна, был невольником. Он бегал от него дважды, и в бытность мою в первый раз в сем селении пойман он был и приговорен к положенному там на беглецов наказанию, чтобы подрезать у него пятки; однако хозяин его отменил оное по моей просьбе, и велел его только высечь.

Я спросил у него, не *Куфеем* ли его зовут и не был ли он у такого-то человека невольником? «Меня зовут Куфеем, — сказал он, — однако я теперь не *Баккараро**, а человек вольный. Ты не допустил подрезать у меня пятки; за то и я не допустил отрубить у тебя головы. Пожалуй, не бойся ничего».

Он старался всячески утешить меня в моих злополучиях; однако воображение мое, что и меня также умертвить намерены, было столь сильно, что никакое утешение не могло меня ни мало успокоить.

Мы шли очень тихо, как по причине великого солнечного зноя, так и за тяжестью добычи, ими полученной; ибо каждый нес на себе множество дичины и других съестных припасов.

* *Баккараро* значит такое имя, которое Арапы дают Белым людям или Европейцам.

Около трех часов пополудни пришли мы в одну деревню, в которой все беглые Арапы жили и где приняли нас с великою радостью. Женщины пели, плясали и били в ладоши; мужчины же нанесли с собою *моббию* и *руму*, их напитки, чтобы за здоровье возвратившихся выпить и их тем потчевать. Один из Арапов спрашивал у Куфея, для чего он привел меня живого, а не принес лучше моей головы. На то сказал он ему такое, чем он, казалось, был доволен; однако представлял ему, сколь опасно, что Белый человек или Баккаро узнал про их жилище, и что он объявит о том Старшине своему Фоме, дабы получить на то какое повеление.

Куфей сказал ему, что он сам Старшине расскажет, что при бывшей сшибке происходило, и ответит меня к нему. Все сие мог я разуметь, понеже они оба по-Аглински говорили. Итак, друг мой, пошед к Старшине своему Фоме, повел и меня с собою. Старшина сей был сединою покрытый старик по крайней мере лет в семьдесят пять, собою велик, крепок, виден и ростом локтя в три с половиною. Сидел он на возвышенном на поларшина от земли месте и имел вокруг себя стариков с десять, которые табак курили.

Куфей, показавшись пред него, пал ниц, а руки привел к голове; потом встал, подошел к нему с великим почтением и отдал ему на *Холомантеанском* языке отчет в положенных на него делах. Как скоро окончал он речь, то принесены туда головы моих товарищей и положены к ногам Старшины, который отвечив Куфею коротко, дал ему рулю табаку, велел сесть и выпил за его здоровье.

По сем начале Старшина говорит со мною самым чистым Аглинским языком: «Не бойся, дружок! ничего; ты попался в руки не к мучительствующим Европейцам, которые обыкновениями и мыслями своими столь же от нас далеки, как и земля их от нашего острова, коим они насильным и несправедливым образом завладели. Оказанная тебе Куфеем благодарность чрез спасение твоей жизни, которой мы ни у кого без причины не отъемлем, как-то земляки твои делают обыкновенно, может служить примером нашего нравоучения. Мы веруем и боимся одного Бога, и хотя ты из погубления твоих товарищей имеешь право заключить тому

противное, однако скажу тебе самую истину, что произошло оно не от алчбы крови Белых людей; но к таковым поступкам принуждены мы крайностью, которая по-видимому кажется жестокостью. Что может быть для человека дороже вольности? Мы же, ко избежанию невольничества, коему у вас обыкновенно подвержены бываем, не имеем, кроме войны, никакого средства. А что на сражении не делаем мы никому пощады, то сему причиною вы сами, понеже вы всех тех из нас, которые по несчастию попадают к вам в руки, умерщвляете самым бесчеловечным образом и мните, что притом по справедливости поступаете. Любовь нашу к вольности почитаете вы преступлением; в рассуждении же самих себя считаете оную свойством великой души. Рана твоя будет залечена, тебе не будет ни в чем недостатка, и мы при первом случае отошлем тебя, без причинения тебе наималейшего прискорбия, в какое-нибудь селение. Требуем же от тебя только того, чтобы ты единоземцам своим не показывал нашего жилища. Не хочу я получить от тебя в том клятву; ибо кто единожды захотел быть лжецом, для того малой важности стоит и Бога призывать во свидетели. Если ты нам изменишь, то Он тебя накажет; и если бы я опасался, что ты в рассуждении нас сделаешься неверным, то и сие не побудило бы меня лишить тебя совсем силы к нашему повреждению, когда один из сотоварищей наших обещал тебе безопасность. Поди и отдохни, Куфей отведет тебя в свое жилище».

Я отвечивал ему на то с особливою учтивостью; после чего Куфей отвел меня к себе в дом, где, перевязав мне рану и положи меня на тюфяк, оставили одного. Часов в восемь пополудни вошла ко мне Арапка, принесла с собою несколько изрядно изготовленной дичины и, оставляя меня, пожелала мне добрую ночь, которую и в самом деле препроводил я очень спокойно.

На другой день велел Куфей сходить за одним Арапом, который жил в другой деревне и в лекарской науке у них славился, потому что он несколько лет служил у одного Лекаря невольником; он пришел вскоре и перевязал мне рану, которая была ни мало не опасна.

Деревня, в коей я жил, состояла из пятидесяти двух дворов, сделанных из тростника. Она почиталась столицей Старшины Фомы. В ней находились всякие ремесленники, как-то столяры и кузнецы, портные и тому подобные, потому что живущие в Ямайке Европейцы обучают невольников своих всяким художествам. В домах у них было все нужное и множество хлеба и всяких птиц.

Старшина призывал меня к себе многократно, и всячески старался пребывание мое у них сделать сносным. Часто разговаривал он со мною о жестокости, с которою Европейцы с невольниками своими поступают, и о несправедливости, производимой ими в рассуждении отнятия у людей вольности, с которою они все рождены.

Недели чрез две зажила у меня рана совсем; в рассуждении чего просил я Старшину, чтобы он приказал меня отвести в ближайшее селение. Он обещал по просьбе моей исполнить, как скоро дозволит время. Я ожидал терпеливо, почитая за несправедливо желать того, чтоб он ради меня подверг свою и подчиненных своих жизнь опасности.

Спустя с неделю по сем обещании напомнил я ему об оном; и он сказал мне в ответ, что не может меня никак отпустить в скором времени, понеже из соседственной деревни вышла партия на добычу. «Сии люди, — примолвил он, — пришед в какое несчастье, могут подозревать мною, что я для получения милости от Белых им изменил. Ибо, — сказал он, — наши единоплеменники, приметя между вами вероломство, сделались весьма подозревающими». Я принужден был ему повиноваться и дожидаться возвращения сих людей, которые чрез десять дней возвратились и принесли с собою множество всяких съестных припасов, постель, две склянки пороха, фунтов по осьми в каждой, и 200 фунтов свинца, что им всего более радости причинило. Притом принесли они с собою две головы, из коих одна срублена была с главного надзирателя, а другая с Аптекаря Литлетонского селения, которые им в лесу попались.

Тогда Старшина дал мне слово приказать проводить меня в сад ближайшего селения, что произвело во мне чрезмерную радость. Я оставил его часов в одиннадцать; он же

всех на добыче бывших велел угостить и сделать для них на целой день пир. В третьем часу пополудни, когда они в величайшем веселии находились, принес к ним караульщик ведомость, что он несколько Белых людей видел, которые идут к ним на горы. Старшина отослал тотчас всех женщин и ребят в другую деревню; а из оной приказал прийти лучшим людям, намерясь неприятеля всею силою встретить. Всякой взял с собою ружье, пистолет и топор. Захватили все входы к деревне, и Старшина увещевал их обороняться храбро; ибо к спасению своей жизни нет лучшего средства, как отважиться оною за всеобщую безопасность. Представлял им, какие преимущества они пред Белыми имеют, которым дороги на горы не так известны, как им; что по оным более двух человек в ряд идти не можно, следовательно, они по неприятелям своим способно стрелять могут. Но если, — примолвил он, — сразимся мы с ними и на ровном месте, то обстоятельства, в коих мы находимся, должны побудить нас к неустрашимейшему отпору. Ибо кто бы между нами был столь низок, чтобы рабство захотел предпочесть смерти? Искусство и опыт научают нас, что жизнь под таковым обязательством напрасна. Итак, гораздо лучше умереть за свою вольность, нежели лишиться жизни долговременными и тягостными муками от руки немилосердного палача. Я, с моей стороны, твердое положил намерение не даваться живу в руки к Белым; и думаю, что всякий, находясь в равных со мною обстоятельствах, то же предпримет».

По сем увещании и по отправлении сих последних в поход против Белых, приказал он мне идти с женщинами, с ребятами и с Куфеем, которому поручено было из другой деревни привести подмогу. Еще не прошли мы с версту, как вдрут превеликую стрельбу услышали. Деревня, в которую мы посланы были, находилась от первой верстах в пяти; она была гораздо больше и многочисленнее, и заключала в себе по крайней мере дворов со сто с двадцать, кои наполнены были народом.

Там уже от посланного Старшиною гонца было о всем известно, и на половине дороги попало нам пятьдесят Арапов, которые, так же, как и первые, вооружены были. Пред-

водительницею имели они довольно пожилую женщину, коя у них пророчицею почиталась. Куфей приказал ей взять меня под защищение; сам же с идущими на помощь возвратился, взяв у ней благословение, которое она ему и дала с обнадежением, что он победит Белых.

Стрельба все по-прежнему продолжалась, и старуха сказала мне, как она видит, что подсмотрщики бегут от Белых, хотй они и лежат на земле ничком.

«Статься может, — продолжала она, — что сии трусы скоро погибнут. Белые зажгут деревню *Кормако* (так называлась та деревня, из которой я шел). Они придут в другой раз, и тогда-то бедные Арапы пропадут совсем».

Стрельба продолжалась еще два часа, однако не так сильно, как сначала. Старуха встала и просила меня посмотреть на дым, от *Кормако* происходящий. «Старшина Фома, — сказала она, — прогоняет Белых».

Я стоял подле моей защитницы и не смел отойти от нее ни на пядень, хотя мне беседа ее очень не понравилась. Спустя с четверть часа началась паки пресильная стрельба, которая также слышна была долго; но наконец вдруг прервалась, и вскоре потом пришел к нам посланный от Старшины Арап и объявил, что Белые сожгли деревню *Кормако*; однако были прогнаны, и Старшина к нам назад идет. И действительно, возвратился он к нам в непродолжительном времени с сорокью Арапами. Я уведомился от него, что Агличане оплошностью их караульчиков захватили узкими проходами, несколько из них человек убили, а прочих в деревню прогнали, где они хотя и храбро защищались, однако неприятели ворвались к ним в дома и всю деревню выжгли, что принудило бедных Арапов бежать на горы; но Белые их преследовали. Как же скоро сии последние приступили к грабительству, то первые, оправаясь несколько, напали на них сзади и начали из-за дерев производить по ним сильную стрельбу, так что неприятель, видя себя не в состоянии учинить им хороший отпор, принужден был оставить то место, при котором случае убито у них шесть человек и множество ранено. Мы же, говорил он, потеряли двадцать человек, и деревня совсем выжжена. Спустя по том несколько часов,

пришло к нам еще сорок Арапов, и все мы пошли в ту деревню, в которую я был послан и которая *Барбаскутой* называлась.

На другой день собран был совет, по повелению коего четверо Арапов, упустивших должность свою на сражении, приведены были на улицу связаны, и на оной положены вверх лицом с тем, чтобы все женщины и ребята мимо их ходили, и на них мочу выпускали. При определении сего наказания говорил Старшина, что если бы и другие толь же дурно поступили, как они, то бы все они, конечно, погибли, и хотя сим преступникам и дарована жизнь, однако впредь не будут они вольными людьми почитаться; ибо, не стараясь защищать вольность, недостойны и наслаждаться оною; что не могут они иметь ни мало надежды по таковом поношении, которое навлекли на себя сами, быть терпимы в обществе честных и почтенных людей, ниже когда-нибудь освободиться от рабства, к которому осуждены они мерзостною своею трусливостью и робостью. По претерпении такого позора проданы они были с молотка, и самая большая цена за лучшего из них состояла из двух дюжин кур и одной куропатки, которые и заплатил купец при первом общенародном пиру. Караульщики же, не объявившие заблаговременно о приближении неприятельском, также и те, которые с самого начатия боя убежали, были равномерно приведены и повешены. По сем исполнении приговора расставили везде новых караульщиков и всю ту ночь простояли в ружье, ибо *Кванабон*, их пророчица, предсказывала другое нападение, от коего совершенная их гибель воспоследует, если не употреблены будут особое бдение и мужество.

По прошествии четырех дней, не видя неприятеля, они успокоились, сняли дальний караул и думали, что Агличане о сей деревне, конечно, не знают. Но в пятую ночь, когда почитали себя в величайшей безопасности, взошли Агличане почти чрез непроходимые дороги на горы, и в полночь вступили в деревню, так что Арапы о приближении их ни малейшего известия не имели. Их было человек с сорок, и еще человек с тридцать расставлены по всем дорогам к сей деревне. Тогда воспоследовало преужасное кровопроли-

тие; почти никто не мог спасти живот свой; женщины же и ребята в плен побраны были. Старшина Фома дрался и умер неустрашимым воином. Благодарный Куфей и с ним еще двенадцать человек чинили всевозможное сопротивление; но, видя, что старания их бесплодны были, схватил меня за руку и грозил мне, если я добровольно за ним не последую. Мы вскарабкались потихоньку на одну превысокую гору и почти ползком добрались до находящегося неподалеку от оной густого леса, где, избрав себе удобное место, пробыли три дня, не смея, так сказать, пошевелиться. В четвертый же день, стесняясь пресильным голодом, принуждены были послать шестерых на добычу в близлежащее селение; однако они назад не возвратились, в рассуждении чего на другой день шли мы сами из лесу, дабы промыслить себе какое пропитание. По счастью, зашли мы ночью в сад одного селения, где, утоля свой голод и нарвав с собою, сколько было можно, всяких зрелых плодов, возвратились мы в тот лес обратно.

Спустя по томе день, пошел один Куфей, и по возвращении своем объявил нам, что он у берега приметил рыбацье судно с парусами и с веслами, которое, конечно, принадлежало каким Арапам. Он предложил нам, чтобы оное взять, нагрузить плодами и отправиться на нем к Гишпанским берегам, что исполнить почитал он за весьма легкое дело. Мы согласились; только я требовал того, чтобы они меня отпустили; однако страх не позволял им удовольствовать меня в моей просьбе. По наступлении ночи пошли мы опять за плодами, и при сем случае чаял я найти способ от них убежать, но меня попеременно по одному Арапу держали за руку, опасаясь, чтобы я от них не скрылся.

Нарвав плодов довольно количество, пошли мы за Куфеем к судну, где нашли одного спящего Арапа, которого тотчас связали, после чего, взяв к себе плоды и нашед две большие бочки, наполненные водою, и несколько сетей и веревок, поплыли мы в 11 часов далее при благополучном ветре, который принес нас еще прежде наступающего утра к острову. На другой день ввечеру увидали мы Гишпаниолу и пристали к берегу следующего дня в 4 часа в заливе, где нали-

ли свои бочки свежую водою и, ходя по сухому пути, находили лесные яблоки, которые, приготовя, употребляли себе в пищу. Мы стояли в сем заливе два дня; а в следующую ночь поехали по берегу острова, но, находясь уже между Маесским и Никольским мысами, кои остров Гишпаниолу от Кубы отделяют, увидели судно, которое прямо на нас шло и одному морскому разбойнику принадлежало, у коего разных земель люди были. Они обещали семи Арапам даровать вольность и каждому половинную долю матроса, на что они без всякого размышления и согласились. Мне же хотели они дать целую часть; но, как я ни малой не имел охоты у них остаться, то обещали они при первом случае высадить меня на берег, хотя некоторые из них и грозили мне, что они меня с корабля сбросят.

Целую неделю ездили мы по морю, не видя ни единого судна; но на восьмой день на рассвете усмотрел сидящий наверху мачты матрос паруса, что морских разбойников побудило приготовиться к нападению.

По учреждении всего поехали мы прямо к оному и нашли, что то было большое судно, которое, казалось, не могло от нас уйти никаким образом.

Тогда начали рассуждать, должно ли напасть на оное, и положено твердое намерение то исполнить. Итак, приблизились мы к оному и, находясь от него на ружейный выстрел, увидели, что оный шел весьма глубоко, и был Гишпанский тридцатипушечный корабль, что могли мы по пушечным окнам приметить, хотя и немало нас удивляло, что оные все затворены были и ни одного человека на корабле не показывалось.

Положено было взлести на оный, что и исполнили; но как ни один человек к нам не показывался, то сей поступок почли мы военной хитростью. Однако некоторые отваги побежали в штурманову каюту и в другие жилые места; но, не нашед там никого, узнали, что сей корабль был кинут по той причине, что в нем футов на шесть вода стояла. В казенной нашли они два сундука, наполненные деньгами, и несколько разной посуды, которое, все забрав, оставили оный.

Спустя после того день, увидели мы другой корабль, ко-

торый за нами гнался, и был больше и сильнее нашего; ибо по парусам могли мы догадаться, что то пятидесятипушечный корабль. Мы старались от него уйти, в рассуждении чего принуждены были выбросить найденное нами накануне сокровище. Видя же, что и по сем поступке оный нас догоняет, выбросили мы еще восемь пушек; и сие единое средство послужило нам к убежанию от неприятеля, которого мы чрез несколько часов и потеряли из виду. Урон денег трогал находящихся на корабле разбойников весьма много, выброшение же осьми пушек приводило их в такое смущение и печаль, что они все взволновались. Иные хулили за то Капитана, другие же его извиняли, понеже только сим одним способом они спаслись. Но ласковые слова Капитана и рюмка пунша, которая была поднесена каждому, укротили бурю на несколько времени. Наконец то самое, чем беспокойные люди усмирены, послужило и к вторичному взволнованию. Ибо, как они все напились пьяны, то один Офицер начале говорил, что Капитан их струсил и купеческий корабль почел военным, что страх представлял ему неприятеля гораздо сильнейшим, нежели как он был в самом деле, и воспрепятствовал им в завладении оным. Сие говорил он так, что и Капитан слышал, который, не ответствуя на то ни слова, выхватил из-за пояса пистолет и застрелил его на том же месте, после чего еще другому бунтовщику велел дат сто лозонов.

По учинении сего, собрав всех на корабле у него находящихся служилых людей, говорил им, чтобы ему никак не можно было повелевать толь храбрыми людьми, если бы он снес, чтобы кто-нибудь хотел коснуться до его чести. А когда между ими такой человек находится, который почитает себя его храбрее и мужественнее, то готов показать ему его заблуждение посредством ружья, или пистолета, или меча. Если же они сделали ему честь и избрали его своим Капитаном, то хочет он наблюдать свою должность и надлежащим образом сохранять команду, что все храбрые и искусные люди почитают, конечно, за необходимо нужное, и о чем ропщут только одни подлые и трусливые души. Говорил им, что убитый Офицер достоин смерти, понеже к возмущению на кораб-

ле и одного мятежника довольно, от чего напоследок неминуемая гибель должна последовать. «Сказанное мною, — примолвил он, — повторяю я еще раз: если кто хочет поменяться со мною пулями, то я готов его удовлетворить. Но, пока ношу на себе чин Капитанский, по тех пор хочу быть настоящим исполнителем одного, и самый отважный между вами должен повелениям моим повиноваться».

Толь неустрашимый поступок Капитана прекратил вскоре смятение; после чего содержал он команду свою весьма строго, и всякой, почитая его исполненным честности человеком, страшился его озлобить.

Спустя по том два дня, наехали мы на Гишпанский корабль и на две шлюпки. Мы вскоре завладели оным, не видя себе особенного сопротивления, хотя народу на нем было человек с восемьдесят, а нас только девяносто.

На сем корабле находилось 90 пушек; однако толь великая артиллерия причинила нам весьма мало вреда; две же шлюпки были Аглинские и шли в Кампехию с съестными припасами, в которых мы немалую претерпевали нужду. Накануне нашего на них нападения захватили их Гишпанцы и, хотя они уйти от них старались, однако мы их перехватили. На них находилось двенадцать человек Агличан, из коих четверо к нам пристали. При сем случае Капитан наш оставил прежнее наше судно, а вместо одного пересел на корабль, который называл *Василиском*, три же шлюпки отдал Гишпанцам. Прочих восемь Агличан, кои у нас остаться не хотели, взял он к себе на корабль с тем обещанием, чтобы чрез несколько дней высадить их на берег на восточной стороне Ямайки; шлюпки же, которой они у него просили, им не дал, чаятельно опасаясь, чтобы по возвращении их не отправлено было несколько военных кораблей для чинения над ним поисков или, может, и надеясь увезти их с собою, понеже в самом деле ни мало он о том не думал, чтобы их по обещанию своему высадить на берег.

Сия полученная добыча обрадовала всех корабельных служителей; ибо чрез то имели они месяца на три всякого запаса, а деньгами тысяч до ста осьмидесяти золотой и серебряной монеты. На бывшем сражении потеряли мы только

три человека; но присообщением к нам четырех Агличан прибыл к нам еще один человек.

Недели с три не попадался нам никто; почему Капитан наш намерялся разъезжать подле гавани; и как на корабле пресная вода почти вся взошла, мы же неподалеку от реки Тагры находились, то взошли в оную, пустили якоря и боты свои послали на берег для промысления пресной воды.

Запасшись оною довольно, поехали мы к гавани и между Портобеллой и Карфагеной увидели Французский сорокапушечный корабль, который напал на нас без всякого замедления. Мы зачали стрелять по нем из пушек, и причинили оному немалый вред. Он нам отвечал равномерно; и, хотя при том потеряли мы людей немного, однако чувствительный вред причинили они нам в парусах и в канатах. Наконец почел наш Капитан за нужное взбежать на неприятельский корабль; мы исполнили его повеление, но приняли нас так неустрашимо, что немногие могли избежать смерти. Неприятель равномерно старался завладеть нашим кораблем; и если бы не удалось нам разбить у них пушками большую мачту, то бы они, конечно, верх одержали. Чрез то могли мы иметь время от них уйти, причем и ветер нам способствовал немало, так что чрез несколько часов потеряли мы неприятельский корабль совсем из виду и нашли, что у нас 42 человека убито и 15 ранено. Урон сей был для нас весьма чувствителен и побудил нашего Капитана, переменив свой путь, идти в Кампехию, надеясь получить там более народа.

Для утверждения сего собрал он своих подкомандующих, и предложил им о сем намерении. Они все согласились, что сие самое лучшее средство, и многие говорили, чтобы с корабля пересечь на первую захваченную шлюпку. Капитан отвечал на то, что о том и тогда можно думать, когда им какое судно попадется.

Они начали исправлять канаты и паруса, и старались привести все в хорошее состояние, как вдруг погода переменилась, и покрытое густыми облаками небо предвещало нам предстоящую погибель. Начале гром, и поднялся великий ветер. Наконец сделался такой сильный громовой удар, что

от одного нашу главную мачту сломило. Потом последовала великая непогода, море взволновалось, ветер дул чрезвычайным образом и небо покрылось претемными облаками, так что мы никакого светила, кроме ужасной молнии, не имели. Капитан наш, будучи совершенный мореплаватель, делал всякие нужные приуготовления и велел сломить мачту в самой скорости. Буря продолжалась пять дней, и мы уже почитали себя совсем пропащими. Посреди сей столь великой опасности, которая бы тех несчастных убийцов должна была побудить к трудам для будущего их благополучия, слышимы были токмо проклятия. И так отдались мы на произволение волнам и ветрам; к нашему еще счастью, корабль был столько тверд, что воды в него не натекло, и Капитан наш ничего более не опасался, как чтобы нас не бросило к каковому-нибудь берегу. Я, впрочем, ни о ком из сих хищников не сожалел, как о Капитане; ибо он с нашими всегда учтиво обходился, так как и все люди его породы обыкновенно делают. Он рассказывал мне некогда сам, что сей род жизни избрал против своей воли, и что ничего столько не желает, как чтобы оное оставить, сколь скоро сие ему сделать можно будет. Но понеже он ни малой надежды не имел к своему прощению, ибо содержал разбойнический корабль и, сверх того, умертвил Ботсмана, то и принужден был для своей безопасности продолжать такую жизнь. Один он только показывал, что какой-нибудь закон исповедует. Я не слышал от него во все время непогоды, чтобы он клялся или поносил, но видел, как он, воздыхая тайно, произносил часто: «Боже! буди мне милостив!» В седьмой день лишила нас буря нашего Капитана и еще двух человек, кои выброшены были с корабля волнами. Урон нашего Капитана умножил наше несчастье; и как непогода ни мало не утихала, то мы к спасению нашему лишились всей надежды.

В десятый день поутру, часов в девять, нанесло нас столь сильно на камень, что все выпали из качалок, а гребцов бросило на колени. Тогда начали из всех сил выливать насосами воду; но корабль наскочил в другой раз на камень, и мы покрылись волнами, так что я ни корабля, ни людей не мог видеть. Ухватясь нечаянно за бревно, выплыл я наверх и, при-

зывая Всевышнего на помощь, во всех учиненных мною злодеяниях приносил чистосердечное раскаяние, и твердое положил намерение, если Бог избавит меня от сей опасности, впредь все мои помышления, слова и дела располагать по Его предписанию, и благоговейной жизнью показать мое благодарение.

Понеже лишились мы компаса и Капитана, который в мореплавании был весьма искусен, то не знали, на каком берегу находились. Брус, за который я держался, прибило напоследок к берегу. Куда девались мои товарищи, того я не знал, а думал, что они все потонули; и уже спустя после сего происшествия несколько лет, нашед в Англии одного из тех, которые в разбойнической шайке не хотели остаться, узнал, что он и еще семеро других особливим Божиим попечением спаслись на досках, и взяты были Индейскими рыбаками, у коих прожили они целые два года в великом довольстве; что они в один день, отъехав с ними на ловлю от берега верст на шесть и увидя вдали корабль, показывали Индейцам, какое желание имеют возвратиться в Европу; в рассуждении чего Индейцы дали им осьмивесельное судно, на коем и пристали они к кораблю, который был Французский и на котором доехали до Рошели, откуда возвратились в Англию.

Как всякому жизнь мила, то за спасение меня приносил я Богу нелицемерное благодарение, почитал себя весьма благополучным, хотя и на безызвестном мне берегу находился и лишен был всякого к сохранению своему пропитания. Но я положился во всем на Провидение и уповал, что оно, даровав мне живот, и при сем случае не оставит. Отчаяние почитал я недоверенностью к Богу, почему предался совсем Его зашитию и пошел в лежащий неподалеку от берега лес.

Буря, которая, казалось, для искорения сих поносных врагов человеческих восстала, утихла по разбитии корабельном. В лесу нашел я всякого рода Индейских плодов, коими и утолил свой голод. Мне хотелось, хотя и не без страха, узнать, на жилом или пустом месте, на острове или на твердой земле я находился.

В лесу проходил я до самого вечера и, опасаясь диких зверей, взлез на превысокое дерево, на котором до самого утра пробыл, не могши сомкнуть глаз ни на минуту. Спустился с час по наступлении ночи, испужался я чрезмерно, услышав на воздухе человеческий голос; и хотя того языка и не разумел, однако упомянул несколько слов.

Если кто в подобных моим обстоятельствах находился, тот может лучше представить себе тогдашний мой страх, произведенный во мне толь странным приключением. День уже настал часа с два; однако я не осмелился слезть с дерева. Но видя, что мне нечего опасаться, сошел на землю и продолжал путь свой далее к востоку. Часа чрез три вышел я из лесу на приятный луг, усеянный прекраснейшими цветами и обнесенный с другой стороны забором, за которым лимонные деревья стояли. Сей взор и покрытые хлебом поля, кои я мог вдали приметить, заставили меня думать, что сие место обитаемо каким-нибудь просвещенным народом.

Прохаживаясь по луку, чувствовал немалое удовольствие в рассуждении толь приятного местоположения и, чтоб не потоптать посеянного хлеба, повернулся я к северу в надежде увидеть где-нибудь деревню или какого жителя. Я нашел преизрядные паства, великое стадо овец, между которыми также и еленицы находились. Овцы имели, наподобие Ямайских, весьма короткую шерсть; собак и оленей набегало ко мне великое множество, и все они смотрели на меня, как будто им никогда подобного видеть не случилось. Овцы бежали за ними, и я ими был так окружен, чтобы не мог ни мало вперед идти, если бы, выдернув кол из забора, не прогнал их оним. Более же всего приводило меня во удивление то, что, видя толь пространные, усеянные хлебом поля, толь много цветами наполненных долин, не имеющих ни малой огородки не приметил нигде человеческого следа. Я пошел далее, и путь сей продолжал до 3 часа пополудни, как то мог рассудить по высоте солнца; и, хотя было тогда весьма жарко, однако можно мне было идти под тенью дерев. Пришед напоследок к берегу одной большой реки, которая тенью высоких дерев была покрыта, и не видя в толь приятной земле от диких зверей никакой опасности, лег я

на траву и заснул весьма крепко; и, будучи крайне утружден, проспал бы, конечно, весьма долго, если бы не разбудил меня человеческий голос, который я услышал. Пробудясь, осматривался я на все стороны; но ничего при том на человека похожего не мог увидеть. Я кликал и услышал, что мне на оное некто отвечает: *«Квам шоомав?»* На то отвечал я сими же словами; после чего услышал я, что у меня над самую головою двое разговаривают. Я взглянул вверх, но не мог и тут ничего увидеть по причине густоты и высоты дерев. Отошел несколько шагов, глядел еще на оные и услышал голос, выговоривший весьма скоро сии слова: *«Квам шоомав? Штартс!»*, которые, как я после узнал, значили: «Кто ты таков? постой!» Чуть только услышал я сии слова, как вдруг увидел петуха и курицу, слетевших ко мне с дерева. Они были высотой футов в шесть, а толстотою с овцу. Петух, который был несколько побольше курицы, подошел ко мне близко и повторил прежние слова не без страха и удивления: *«Квам шоомав?»*, а курица, стоя от меня несколько подалее, закричала: *«Эдну синви?»*, что, как то узнал я, значит: «Откуда ты пришел?»

Я не менее удивлялся, слыша говорящих куриц, как и они, видя такое чудовище, каким, конечно, должен был я им показаться.

Я отвечивал им сими курицыными словами: *«Эдну синви»*, на что она мне уповательно много вопросов делала с природною их породе болтливостью, и после начала хлохтать. Вскоре пришли еще три или четыре молодых курицы, которые, как скоро только меня увидели, тотчас спрятали голову к матери под крылья. Из сих один молодой петух, не более 5 футов величиною, казался быть весьма смелым и заглядывал на меня из-за прочих; он сказал нечто своему отцу, и после ответа приблизился ко мне весьма смело; ходил около меня кругом, хотя и наблюдал при том некоторое расстояние; после чего говорил нечто угрожающим голосом. Я отвечивал ему на своем языке меланхолическим образом: что я, несчастный, претерпел кораблекрушение. Сей воин, который, конечно, считал меня за неразумного зверя, осмелился броситься на меня с когтями и конечно бы, я ду-

маю, расцарапал мне голову, если б я немного не посторо-
нился; ибо оные были цолей в осьмнадцать длиною и при-
том весьма острые. Я усмотрел, что отец его за сие очень рас-
сердился, ударил его несколько раз крыльями и прогнал до-
мой. Потом, сказав мне еще что-то, сделал знак, чтобы за ним
следовал, что я и исполнил. Прошед маленький лесок, при-
шли мы на один весьма приятный луг, где увидел множе-
ство куриц, упражняющихся в доении коз. Он сидели на
цынках и доили так же искусно ногами, как и наши жен-
щины руками. Они носили на себе два ведра, подобно на-
шим коровницам; и, словом, нет народа в Европе, который
бы найденным мною жителям уподоблялся в употреблении
Механических выдумок.

Я видел одного *Каклогальянина*, как они себя называют,
который на ногах имел деревянные ножницы и на лету дере-
вья с великим искусством обрезывал. В целых аллеях, из коих
многие больше версты длиною, нет не токмо ни одной вет-
ви, но ни одного листка, беспорядочно растущего.

Сии *Каклогальяне* весьма искусны в тканье сукон из куд-
рявых перьев, кои они с великим искусством прясть умеют.
С сего товара платят они некоторую пошлину, и сих перьев
нет лучше. Увидя меня, по лугу идущего, оставили они свою
работу и смотрели на меня со удивлением. Говорили так
громко и с толь невероятною скоростью, что я думал, что,
конечно, зашел в Жидовское училище.

Напоследок пришли мы в одно селение, принадлежа-
щее моему проводнику или, лучше сказать, моему господи-
ну; ибо я узнал после, что меня за неразумного зверя неиз-
вестного им рода считали. Чуть только вошли мы к нему в
жилище, то окружила меня вся его семья и, удивляясь, де-
лали мне некоторые вопросы, коих я, однако, не разумел.
Одна из куриц принесла мне сосуд с козьим молоком, ко-
торое я, поклонясь ей, выпил; принесли мне разных семян,
которых я, однако же, не хотел принять; потом принесли мне
часть вареной баранины; ибо Каклогальяне не едят по боль-
шей части мясо, против обыкновения Европейских петухов,
исключая бедных, кои также и семенами питаются. Они спят
не на насестах, но на перинах и тюфяках, и одеваются теп-

лыми одеялами; ибо по захождении солнца выпадает в их земле пресильная роса, и я такой стужи никогда в отечестве своем среди самой зимы не чувствовал. Поевши, отвел меня мой господин в свою комнату, в которой мне приготовлена была постель; дал мне знать, чтобы я лег, и удивлялся немало, видя, как я поднял одеяло, лег на постель и после оделся. Но не дивился он тому почти ни мало, как я снимал с себя платье; ибо у них знатнейшие и богатые носят епанчи и прикрывают себе ноги тонким полотном.

Я спал весьма крепко и спокойно. Господин мой, который был богатый откупщик, поехал на другой день в *Лудбисталлиу*, главный город их государства, находящийся от нашего жилища верстах в сорока, с тем, чтобы своему господину, который был Министром, объявить о найденной им редкости. Он отправился в шесть, а возвратился в девять часов, ибо Каклогальяне перелетают в один час по двадцати верст и более. Господин его, спустя немного времени, прибыл туда с великою свитою. Шестеро слуг летели наперед; они имели в лапках палки, коими били по головам всех им на дороге попадающихся. Он сидел в колясочке, убитой самым тонким кармазинным сукном с маленькими звездочками и несомой четырьмя Каклогальянами за серебряные цепи. Что касается до его тела, то ростом был он в девять футов, и весьма толст. Должно заметить, что у сего народа всякий растет и большой аппетит имеет, смотря по своему богатству и чести. Сие заметил я сам в моем господине и его сыновьях; дочери же при перемене своего счастья не бывают подобным превращениям подвержены. Напротив того, несчастье и злополучие могут также самого большого сделать карлюю, так что он не выше трех футов будет.

Я обращаюсь паки к Министру. Он назывался *Брукваллием*. Платье на нем было длинное, с богатым шитьем; на шее имел полосатую ленту, на которой висела золотая медаль с изображением петуха, наступившего на льва; и сей знак чести есть величайший, каковым Каклогальянский Государь может почтить своего подданного. Он имел за собою множество прислужников, которые оказывали ему великое почтение. Как скоро вышел он из колясочки, то господин мой

встретил его у самых дверей, пал пред ним на землю и лежал до тех пор, пока он ему не приказал встать (сие знаю я для того, что после выучился их языку и обыкновениям); а как Министре взошел в покои, то я был ему представлен.

Господин мой, как то я после слышал, сказал Его Превосходительству, что он приметил во мне некоторые искры разума, хотя и кажусь таким уродом; и в доказательство того объявил ему, что я так же порядочно лег на постель, как и самый искусный Каклогальянин; примолвил к тому, что он думает, что подобные мне звери, конечно, должны иметь между собой какой-нибудь язык, ибо он слышал, как я произносил некоторые безызвестные слова и за ним иногда говорил.

Я бросился пред ним на колени и с величайшим почтением говорил сам Его Превосходительству, что я честный и несчастливый человек; что по случившемся кораблекрушении занесен на сии берега и, кроме жалости, ничего не заслуживаю; и что, не сделав никому ни малейшей обиды, надеюсь высокой милости и защищения Его Превосходительства.

Мне показалось, что сей Министр имел особое удовольствие, услыша меня говорящего, и в немалом удивлении находился. Мой господин подошел ко мне и сказал: «*Эдну синви?*» Я проговорил то же, приметя, что он от меня того требовал, чему Министр, который, как то узнал я после, хотел меня купить, весьма радовался; и в рассуждении того велел меня учить придворному Каклогальянскому языку (ибо при дворе у них совсем другой язык, нежели каким в прочих местах их государства говорят, чему причину покажу я после), дабы меня, как величайшую редкость, представить Его Величеству. Как он спросил моего господина, чтобы он ему сказал, за какую цену меня продаст, то сей последний отвечал ему: «Ваше Превосходительство оказали бы мне весьма великую честь, если бы сей малый подарок от вашего невольника приняли, который бы для меня ничего не стоил, когда бы я был и в величайшей бедности». «Изрядно же, — сказал ему на то Министр, — приведи его завтра ко мне, я принимаю сей подарок, и будь уверен,

что за сие останусь тебе навсегда благодарным».

После сего Министр сел опять в колясочку, и его четыре носильщика полетели с ним с такой скоростью, что прочие служители насилу могли за ними следовать.

На другой день поутру, ухватя меня мой господин носом за руку и отвед к дверям, оставил одного. Я стоял на том месте до тех пор, пока он ко мне опять не пришел; он дернул меня за кафтан и пошел сам передо мною. Я из того заключил, что он мне за собою следовать приказывает. Я исполнил его желание, и мы пошли в провожании еще одного из его служителей, который шел у меня по правую сторону. А как шли они весьма скоро, так что я насилу мог за ними следовать, то Хозяин мой, приметя оное, сказал что-то своему слуге; после чего подхватили они меня под руки и полетели со мною вверх футов около тридцати от земли. Часа чрез три они опустились миля за четыре от одного большого города. Перед отшествием нашим взял мой господин епанчу, которую слуга нес под крылом, и в оную обернули они меня, поднимаясь на воздух, оставя мне небольшое отверстие, дабы я мог смотреть и дышать. Сие же сделано было для того, чтобы простой народ не бежал смотреть такого необыкновенного животного, каким я им казался.

Как скоро опустились мы на землю, то дал он мне знак, чтобы я лег ничком и, окутав меня со всех сторон, послал своего слугу в город. Слуга возвратился немедленно с колясочкою, в которую я должен был сесть и в которой подняли меня опять на воздух, и спустя несколько времени принесли в сад, откуда повели меня в небольшой домик, подле сада находящийся. Как вход, так и домик показались мне совсем неприличными чину и знатности государственного Министра, чему я немало удивлялся; но после узнал, что сие единственно от политики происходило, что он в городе хотел жить простым человеком, дабы не привлечь на себя зависти других. Ибо, хотя тогда был он в 9 футов вышиною, однако в последнем владении рост его, который был в 6 футов и 9 дюймов, весьма умалился, так что он оставался только в 3 фута и 10 дюймов. Напротив того, загородный его дом походил на дворец, хотя оный еще и не совсем был отст-

роен; штат же при себе имел он великолепный. Он ездил всегда с великою свитою, которая, однако же, приставала к нему версты за две от города.

Сей великий Министр показал меня своей фамилии, и всякий удивлялся такому природою произведенному на свет уроду, каковым они меня почитали. Мой господин пожалован был за сей подарок *Нозохомионархом*, или надзирателем над инвалидами; он имел титул *Квитиарда*, что значит Дворянина, и находился у Министра в особой милости. Вскоре потом сделался он девятью цолями выше прежнего и гораздо толще, и мог съедать на каждый день по 3 или по 4 Каклогалинских цыплят. Ибо Министры и другие чиновные едят собственный свой род, и никто из бедных не находится безопасным в своей жизни, ежели какой знатный проголодается и аппетит к нему возымеет. И потому Каклогальяне имеют толь робкие мысли, что многие из них от дурачества или простоты живые к Министрам в дом приходят, и просят у них той милости, чтобы они и их фамилия имели счастье на стол Его Превосходительства быть поставленными. Я видел таких дураков, кои, если прошение их не скоро исполняется, чтобы их употребили в пищу, по улицам ходили, и носили на шее серебряную цепь, и тем весьма хвастались, будто бы им чрез то величайшую честь оказывали; и когда повар Его Превосходительства их кликал, то бежали к нему с радостью, и сами наставляли себе на шею нож. Со всем тем, сей самый народ был в древние времена наихрабрейший из всех перистых народов, и вольность свою с великою ревностью защищал. Но я несколько удаляюсь от своей повести.

Новый мой господин приказал отвести мне особливую комнату и приготовить для меня хороший стол. Приставили ко мне учителя для обучения меня их языку, и я его прилежностью, при том и своею охотою выучился оному в четыре месяца столько, что мог разуметь многое. Господин мой был тем так доволен, что приставнику моему такой чин доставил, от которого он поднялся на четыре пальца. Что касается до точного изведения моего состояния, то сие оставил Министр до тех пор, пока я не научусь Каклогалинскому

языку совершенно, в чем успел я в одиннадцать месяцев.

Некогда, призвав меня к себе в кабинет, говорил мне так: «*Пробузомо!* (которое слово значит уroda). До сего самого времени удерживал я свое любопытство и не хотел тебя спрашивать, откуда ты родом и каким случаем зашел в сию землю, пока не могли мы разуместь порядочно друг друга. Но теперь ты в нашем языке довольно силен; итак, скажи мне, из какой ты части света и к дикому или просвещенному народу должно тебя причислить? и если принадлежишь ты к последнему, то Расскажи мне о вашем правлении, какие у вас обычаи и нравы, и как ты сюда зашел?»

Я бросился на колени и целовал у правой его ноги шпору, которая была золотая (ибо у них знатные господа обыкновенно от природы данные шпоры обрезавают, а на место оных носят золотые), потом встал и отвечивал ему, что я из Европы, которая от Каклогалинии в толь дальнем находится расстоянии, что я к сим берегам целые полгода ехал морем. «Как? — подхватил он, — возможно ли, чтобы ты столь долго мог плавать по морю? Не имея крыльев, не можно иначе достигнуть сюда чрез море». В рассуждении сего рассказал я ему, что по морю ездим мы на кораблях, и сделал некоторое о том описание; но он не мог разуместь оно-го, пока на другой день не вырезал из коркового дерева маленькое суднушко, приделав к оному палочки наподобие мачт и привязав к оным паруса из тонкого полотна, и сей кораблик подал Его Превосходительству в наполненном водою большом тазу. Я объявил ему, что мы народ просвещенный, управляемый своим Государем, который, однако же, ничего не предпринимает без рассмотрения великого совета, состоящего из нескольких знатнейших природных Дворян, и еще из нескольких *Квитиардов*, выбранных народом и представляющих оной; что народ дал сим Депутатам полную власть поступать во всем его именем, и вверил их добродетели свою вольность и попечение о общем благе; что посему не может Король ничего сделать без согласия на то всего общества, а народ иного бремени на себе не носит, кроме только общего, наложенного самим собою для наивысшего поспешествования своего благополучия. «Я никогда не чи-

тывал, — отвечивал Министр, — чтобы прежде тебя кто-нибудь из вас был в нашей земле; но наверное думаю, что вы сей образ правления от нас взяли. Однако, — примолвил он, — истинные ли сыны отечества сии ваши Депутаты? усердны ли они к обществу, и не прельщаются ли знатными чинами, титулами и корыстолюбием? Всегда ли общее добро имеют они главным предметом своих поступков, и предпочитают ли оное собственной своей пользе? Сами ли они народ просят, чтобы он их выбрал, или сие избрание сам он по своей воле производит? И если последнее имеет место, то какая им с того прибыль, что они не радят о собственной своей пользе и пекутся только о добре общем?»

Я отвечивал Его Превосходительству, что я не сомневаюсь, чтобы объявленные мною люди не таковы были в самом деле, каковыми он их описал, и что я еще в самых молодых летах выехал из своего отечества, а потому не могу рассуждать о государственных делах оного; да хотя бы и в совершенном возрасте оное оставил, то бы состояние мое не дозволило мне входить в такие подробности. К тому прибавил я еще, что слыхал от моих родителей, что никто не выбирается, пока Король не разошлет указов по разным провинциям, чтобы выбирали между собою разумнейших людей, дабы они могли Его Величеству спомоществовать своими советами в нужных случаях; что как польза всякой провинции особо, так и благополучие всего народа вообще проистекает от честности и премудрости сих мужей, и им перед всеми прочими полная власть поручается: то не можно иначе думать, как что к тому такие люди избираются, коих любовь к отечеству, разум и добродетели довольно испытаны, или коих порядочное житие подает всем надежду, что они поступать будут, как долг велит истинным сынам отечества.

Что же они по воле всего народа избираемы бывают, продолжал я, то сие можно заключить из медленности, с каковою сии выбранные такой чин на себя принимают, который никогда иного возмездия не имеет, как только всенародную и всеобщую славу за ревностное исправление положенного на них звания. Другим неоспорным доказательством сего свободного избрания служит, кажется мне, еще

и то, что Агличане, мои соотчичи, будучи весьма богаты, напрасно бы старались подкупать большее число голосов; а при том, обладая разумом, не могли бы, конечно, вручить свою вольность подозрительной какой особе; ибо легко можно видеть, что кто другие голоса подкупает, тот без всякого угрызения совести и свой продать может. Что же касается до того, чтобы множество голосов чрез подкупление получить можно было, или чтобы вольный народ подверг вольность свою опасности, вручая полномочным своим власть себя обманывать или дал Королю неограниченное над собою владычество, содержа для утверждения сей власти и многочисленные войска: то таковая мысль не придет разумному человеку никогда в голову. Его Превосходительство усмехнувшись, слыша от меня такой ответ, и спросил еще после того, имеет ли наш народ соседей? Я отвечивал ему, что мы посредством мореплавания всем прочим народам сделались соседями, и что наш остров не более семи миль отдален от твердой земли, обитаемой сильным и к войне склонным народом. «Имеете ли вы с ними, — говорил он, — какую торговлю?» «В Европе мы более всех прочих народов торгуем». «Исповедуете ли вы какие веры?» — примолвил он. В рассуждении главнейших пунктов, сказал я на то, имеем мы только одну веру, которая на многие большие секты разделяется, кои токмо в церемониях одна от других разнятся, в самом же существовании одинаковы. «Вера, — продолжал Его Превосходительство, — необходимо нужна во всякой благоуправляемой республике; но знатнейшие между вами исповедуют ли сию веру, или только одними устами признают оную?» «Милостивый государь! — сказал я ему, — наши Вельможи суть совершеннейшие примеры страха Божия. Любовь их к истине так велика, что они данного ими слова ни для чего не нарушают, хотя бы чрез то могли до Царского престола достигнуть. Справедливость не позволяет им оставлять займодавцев своих без удовольствия. Целомудрие их делает, что они браконушение и прелюбодеяние за самые гнуснейшие преступления почитают. Часто употребляют они большую часть своих доходов на снабдение бедных, и всякий наш Вельможа ест попечитель вдове

и отец сироте.

Они думают, что они домостроители и опекуны бедных, и что когда-нибудь должно им будет дать отчет во всякой полушке, употребленной на суетное великолепие и на излишние яства. Стол их всегда изобилен, но не роскошен, и представляется к насыщению людей честных и недостаточных; при дворе, как я слышал, нет ни зависти, ни клеветы, никто не роет ближнему ямы и не старается ложными наказами лишить его милости Государской; при раздавании чинов взирают единственно на заслуги, а не на богатство, или состояние, или знатность. О подкуплении там ничего не слышно. Строго наблюдаемое правосудие причиною, что Министры, служившие более двенадцати или четырнадцати лет, не сделались ни одною полушкою богаче против того, как были они до вступления в сию должность. Я слышал, что один Генерал-Кригс-Комиссар, который с великою похвалою отдал государственному совету отчет в своей должности, истощил свое имение на милостыню бедным вдовам солдатским, так что принужден был для своего содержания вступить в торговлю, и наконец с великим трудом определен был в небольшую Губернию». «Ты мне рассказываешь, — говорил Министр, — что в вашей вере находятся разные секты, то необходимо должны вы иметь духовных; какие же они люди?» «Их учения и житие, — отвечивал я ему, — во всем между собою согласуются, и они наставления свои утверждают своим примером. Лицемерие, скупость, честолюбие, ссора, ложь, мщенье, роскошь суть пороки, которых только одни имена им известны. Они такие люди, кои величайшее равнодушие наблюдают, и тленные вещи почитают недостойными своего размышления. Они все свои мысли устремляют единственно на рассуждение о будущем блаженстве, и ни о чем земном не помышляют, исполняя должность свою со особливим рачением; почему нередко плутам подают повод к разграблению их имения, которые не упускают к тому ни единого случая, зная, что они столь кротки, что не захотят их изгонять, если бы их узнали. Меня уверяли, что один жрец, услыша, что некоторый откупщик увел у него доставшихся ему на долю овец, на то ответст-

вовал сими словами: “Когда он беден, то это не воровство. Все, что я имею, принадлежит бедным, и он берет такую вещь, которая уже его”. На другой же день послал он к нему весть свой хлеб, и от такой щедрости умер бы он, конечно, с голоду, если бы один знатный Министр, почитая такую добродетель, не возымел о нем попечения. Я знаю сам одного духовного, который, как на нашем острове сделалась моровая язва, услыша, что колбасы суть единственным предохранительным от того средством, употребил на то все свое имение, рассылая оные по всем местам нашего государства.

Потом спросил меня Министр: «Есть ли у вас Доктора?» «Мы имеем, — отвечал я, — людей весьма приветливых, услужливых и набожных, и весьма ученых. Они столь совестны, что, прописав больному лекарства, и если он выздоравливает прежде истрачения оных, за оные сами платят. Они берут только в таком случае, когда что прописывают, хотя к иному больному и часто приходят; прописывают же они всегда самое нужное и необходимое. Они столь скромны, что выздоровление больного приписывают Божью произволению и сожалеют о своем невежестве и небрежении, когда лечившийся у них умирает».

«Есть ли же в вашей части света прав учителя?» «Есть, — отвечал я, — но не более надобного».

«Поэтому у вас их очень немного, — примолвил мой господин, — или вы сварливый народ? Что за животные ваши прав учителя?» «Они долгое время обучаются с рачением законам и правам, и их на судейские места прежде не определяют, пока не освидетельствуют их совершенно в нужном к тому знании, и не узнают точно о добрых их нравах. Сие то причиною, что у нас в делах нет ни крючков, ни остановок, и бедные челобитчики, имеющие право, хотя и не имеют денег, никогда не разоряются. Они немедленно к настоящему делу приступают и двомысленным своим красноречием не стараются превращать белое в черное. Ни один не будет спомоществовать несправедливости и притеснению, разве челобитчик его обманет; но когда ошибку свою усматривает, то немедленно оставляет защищение несправедли-

вой стороны. Сия предосторожность, с которою поступки и знание молодых Юристов рассматривают, есть причиною, что наши прав учителя и стряпчие столь же славны, как и наше духовенство».

«Знаешь ли ты, *Пробузо*, — говорил мне Министр, — что я из сказанного тобою заключаю, что знатнейшие ваши политики дураки, и вы вскоре можете послужить хищением другого какого народа; или ты для своей земли ни мало не разумеешь, или чрезмерно лжешь и думаешь, что я всему легко могу поверить. Я уже несколько лет у Каклогалиян первым Министром во владение всемилостивейшего нашего Государя, *Гиппомина Коннуферента*, любимца солнцева и увеселения месяцева, страха всей вселенной, двери блаженства, источника чести, раздавателя государств и верховного жреца Каклогалинской церкви. Я уже давно, как то тебе сказывал, по повелению всемилостивейшего моего Государя заступаю место первого Министра; и если бы мне кто сказал, что сей или другой в рассуждении веры собственные свои пользы пренебрегает и, обладая великою властью, справедливость наблюдает наистрожайше, також со всяким поступает с особливым человеколюбием, то бы я ему столько же поверил, если бы мне сказал, что льстец в своих похвальных речах весьма точно последует истине, или что стихотворец, который писаниями своими старается великих людей прославить, думает, что они действительно обладают всеми теми изящными качествами, кои им приписывает; или что в своих приписаниях только то одно намерение имеет, чтобы чрез славный пример своего благодетеля подать другим наставление. Дела мои созывают меня теперь ко двору; Государь не слыхал о тебе еще ничего, ибо никто не осмеливался объявить ему о тебе без моего ведома, опасаясь подвергнуть себя за то справедливому моему гневу. Завтра же представляю я тебя сам Его Величеству».

По сем оставил он меня, и велел мне идти в мою комнату, в которую надлежало проходить чрез его спальню, куда никому без точного его позволения под смертную казнь входить запрещалось, да и ко двору его никто не смел подойти ближе 20 сажень, так что и самые знатные останав-

ливались у передних ворот его дома, пока ему об них доложат.

На другой день, пришед он ко мне из комнату, сказал: «Ну, *Пробузо*мо! я намерен представить тебя сего дня Его Величеству. Хотя ты совсем неизвестного в нашей стране рода и потому почитаешься за чудовище, чтоб и с нами случилось, когда бы мы попали в вашу землю; однако из твоих поступок приметил я в тебе немало разума, чрез что и приобрел ты мою к себе благосклонность. Теперь хочу подать тебе некоторые наставления, каким образом должен ты себя вести; и ежели похочешь совету моему следовать, то, не смотря на внешний твой вид, могу сделать, что ты принят будешь в число наших уроженцев, а после, может быть, и получишь какой знатный чин, чем приведен ты будешь в состояние препроводить остаток твоей жизни в покое.

А как тебе безызвестно, — продолжал он, — что такое двор, то теперь подам тебе об оном некоторое описание. Знай, что не все Государи пекутся о делах государственных, но большую часть времени провождают во увеселениях, а вместо их управляют государством их любимцы. Ты, конечно, уже приметил, что раболепный наш народ только одним мною уважает, и повелениям моим с такою преданностью повинуются, каковой, может быть, в вашей стране между зверями одинакого рода не видно. При всем том, ненавидят меня многие, да и я, напротив того, их презираю. Сие кажется тебе странным; но когда узнаешь сокровенные причины моих намерений, в чем я и не сомневаюсь, то престанешь тому удивляться. Со всем тем расскажу тебе о некоторых делах обстоятельнее, дабы тем лучше мог ты споспешествовать моей пользе.

Знай, что оказываемое мне великое почтение не моей особе, но высокому моему чину и знатности отдается. Всем известно, что я не токмо государством управляю, но все государственное сокровище в моем ведении имею, и могу располагать оным по своему произволению. Итак, не любовь, но корысть тому причиною, что мне во всем беспрекословно повинуются; и сие почтение было бы оказываемо и самому последнему из моих служителей, если бы он на моем

месте находился.

Ненавидят меня для многих причин. Иные от зависти воображают себе, будто они моим возвышением оскорбляются, думая, что большим достоинством и разумом обладают. Иные не любят меня за то, что я на несправедливые их желания не соглашаюсь; и они в рассуждении неистовой своей жизни ничем не могут быть довольны. Другие, будучи весьма склонны и способны к восстановлению беспокорности и несогласий, побуждают к крайне осторожному с ними обхождению; и правду сказать, они для меня всех опаснее. Многие ненавидят меня из любви к отечеству, и мне сопротивляются; но я их не очень опасуюсь, потому что стона их еще и поныне весьма слаба.

Начав говорить о том, скажу тебе, чтобы мне весьма трудно было держаться столь долго, и быть той меры, до которой я теперь достиг, если бы пышность некоторых и дурачество других не подавали мне к тому средств. Для человека моего состояния весьма полезно, когда многие из знатнейших невеликим разумом обладают. Я на своем веку видал их много, и они часто дожидались выхода моего понапрасну; ибо нередко приказывал им отказывать. Однако, несмотря на то, в публичных собраниях принуждены были в мою угодность подтверждать, что девять более пятнадцати, и черное называть белым; словом, делать множество таковых нелепостей; все же сие чинили они только для того, что в хвост им обещал вставить пестрое перо. И когда сие обещание исполнялось, то они и остального своего рассудка совсем лишались. Но сие-то самое и согласовалось с моими намерениями; и другие, ожидая от меня такового же награждения, старались оказывать мне все возможное почтение.

Я рассказал тебе, сколь покорны были сии люди, хотя меня и ненавидели; но не объявил тебе причин, побудивших меня соединиться и иметь обхождение с ними. Скажу тебе только, что мне без них не можно быть никоим образом. Ты легко можешь то усмотреть, когда правление наше исследуешь. Знай, что высшая власть состоит в руках не у нескольких из них, но у многих. Сии могут отставлять старые законы и предписывать новые; они имеют право над

имением и жизнью всякого, и на них нигде суда найти не можно.

А хотя я все делаю, и всеми повелеваю, также и сими последними; однако право и силы в их руках, и они могут оными при всяком случае пользоваться, когда только к сопротивлению мне довольно мужества и добродетели имеют. При таких обстоятельствах подумаешь ты, что благополучие мое твердое имеет основание. Но я подвержен некоторым опасностям, и всякий весьма обманывается, когда о силе толь знатных Министров, как я, судит по чрезмерным похвалам, ласкателями им приписываемым; ибо они прилепляются к одной только наружной знатности. Хотя с иными и по моему произволению поступаю, однако, напротив того, есть еще другие, от которых единственно все мое благополучие зависит, и я часто принужден бываю оказывать им тайно несравненно более почтения и послушания, нежели сколько мне публично изъявляют.

Счастье мое находится в руках придворных *Шквабав* (то есть наложниц Государских, которые безотлучно при дворе бывают); их-то корыстолюбию должен я моею знатностью и продолжением оной. Некогда лишился было я совсем милости нашего Государя; а сие произошло от моей неосторожности, сделав себе своими поступками сих Шквабав неприятельницами. По таковом приключении старался я о принятии меня в общество так называемых сынов отечества; но они ни под каким видом не хотели иметь меня в своем совет и ни в чем мне не доверяли. Тогда-то имел я довольно времени рассмотреть безрассудные мои поступки, и увидел, сколь много я чрез то потерял, когда хотел надеть на себя маску сына отечества. Признаюсь, что сие размышление имело толь сильное действие, и произвело во мне толь великое отвращение к патриотизму, что после не мог я ничего сделать для общего блага.

Все старания и мысли устремил единственно на примирение мое с Шквабавами, и некоторые случившиеся тогда происшествия поспешествовали моему намерению. В то время умерли многие знатные особы, которые для меня весьма опасны были, и по мнению других достоинствами своими

меня помрачали, хотя я о том совсем иначе думал. Все они померли скоропостижно, так что наш Государь не знал, кого определить на их место, которое необходимо должно было быть занято; сам же он не имел никакого сведения о искусных особах; и потому увидел себя, так сказать, принужденным поручить мне правление дел своих, зная, что я во управлении государственных доходов был весьма искусен, и в том от всех великую похвалу заслуживал.

Я необходимо должен был опасаться, что сие новое мое возвышение не от милости его происходило, и что я сие место не долее иметь могу, как только, пока другой кто сыщется. Итак, для употребления сего случая в пользу старался я паче всего удовольствовать корыстолюбие Шквабав, и делал им драгоценные подарки; ибо прежнее мое несчастье не выходило у меня ни на минуту из памяти. Я имел желаемый успех. Они никого не находили, кто бы им мог столько угодить, и были уверены, что другой, получа мое место, не будет к ним толь ласков и вежлив.

Сие согласие мое с ними довело до того, что без моего позволения никто не имеет ни малейшего доступа к нашему Государю. Итак, неприятели мои не могут ему никоим образом на меня пожаловаться. Сколь скоро примечу, что кто-нибудь намерен рассказать Его Величеству о настоящем состоянии правления, то Шквабавы не упустят сделать его подозрительным, дабы Государь не допускал его к себе. Таким-то образом смотрит он, так сказать, моими глазами, и все только моими ушами слушает.

Сие привело меня в совершенную безопасность от гонения моих неприятелей; однако и умножило число их, и подало им причину на меня негодовать, так что народ проклинает мои поступки; но сие не достигло до престола. А хотя и никоим образом невозможно, чтобы придворные особы, коих очень немного, не могли часто иметь случая говорить с Государем; однако притом употребил я предосторожность: ко двору набраны почти самые простаки, которые о государственных делах ничего не разумеют. Ибо отправляющий толь знатную должность и предпочитающий собственную пользу общей не может никогда быть безопасен, если

не употребит той предосторожности, чтобы те твари, с которыми он имеет дело, не были его разумнее. Не я первый положил сие правило; все мои предки по тому поступали, и признали необходимо нужным средством к своему сохранению. Правда, я еще далее распространил оное, но не без причины. Я помню, сколь мало я значил, когда совет состоял из таких членов, которые великими достоинствами и знаниями обладали, и с неописанною прозорливостью изведывали мои особенные намерения, так что напоследок ни малого труда им не стоило привести меня в немилость у Государя. Итак, примечая в соправителях моих острый разум и способный к великим предприятиям, почитал всегда для себя опасными и их приводил в немилость или, притворяясь, что о их благополучии стараюсь, довожу Государя до того, что он поручает им в правление какую отдаленную Губернию. Таким образом удаляю я их от Государя, так что они мне ни мало вредить не могут.

Теперь обращаюсь к настоящему намерению, которое состоит в том, чтобы, тебя определя ко двору, употребить вместо шпиона у Шквабав; неприятели мои, которые изыскивали всякие способы к моему низвержению, хотя и не имели никакого успеха, достигнут до того напоследок сим путем; может быть, корыстолюбие Шквабав, которым я по сие время поддерживаюсь, будет и причиною моей гибели, если не употреблю особливой предосторожности. Ибо сколь скоро неприятели мои, подкупя их, найдут случай говорить тайно с Государем, так скоро и вся власть моя прекратится; а особливо, что и Его Величество, как то я примечаю, не имеет ко мне настоящей любви, и только по необходимости не находит другого Министра к заступлению моего места; понеже таковые перемены никогда без смятения не происходят.

Итак, старайся о моей пользе, как бы о собственной своей. Рассматривай все со вниманием, примечай всякий шаг и всякое движение Шквабав; уведомляй меня подробно, что в самых тайных их разговорах происходить будет. Сказывай мне, кто у них советники и любимцы и кто бывает в их беседе. Паче же всего уведомляй меня немедленно, если кто

будет говорить с Государем, и старайся сколько можно познать причины их разговоров. Чудесный твой образ подаст тебе свободный доступ к Шквабавам; ибо у нас любят зверей по большей части по их чудному и странному виду. Они не будут тебя опасаться, но станут при тебе все делать и говорить; им никогда не придет в голову, чтобы ты мог делать какие о том рассуждения. Каклогальяне думают, что, кроме их, никакая тварь не имеет разума.

Но теперь остается научить тебя, каким образом поступать при дворе. Прежде, нежели пойдешь к Государю, должен ты зайти на поклон к Шквабавам. Знатнейшие из них те, у которых орлиный нос и собою очень толсты; сии имеют некоторое преимущество пред прочими. Сие обыкновение введено уже издавна. Что же касается до того, каким образом должно ходить на поклон к Шквабавам, то оное хотя несколько и странно кажется, однако рабская преданность Каклогальян делает оное необходимым и есть главною причиною, что они таковых знаков почтения требуют. Ты должен как возможно ниже кланяться; они оборачиваются задом, распускают свой хвост и заставляют целовать себя в зад. Ты увидишь, что и самые знатные Каклогальяне друг перед другом стараются то исполнить; и те, к которым они сею частью из милости оборачиваются и хвост свой распускают, бывают так довольны, как будто бы им чрез то величайшая честь оказывается. Я сам принужден делать то с особливым почтением, сколь скоро бываю с ними в беседе».

При сих словах вошел к нам в комнату один из знатнейших его чиновных и сказал ему, что коляска для него находится в готовности. Тогда приказал мне надеть епанчу и его дожидаться, что я и исполнил; после чего, спустя несколько времени, пришел он ко мне и, взяв меня, посадил с собою в колясочку. Дорогою разговаривал он со мною о разных материях; и, между прочим, спрашивал меня, есть ли в моем отечестве стихотворцы. Я отвечал ему, что мы имели славных пиитов. Он желал знать, какие люди они были. Я сказал ему, что были они достойные писатели славных дел великих мужей, коих они с тем намерением воспевали, дабы поощрить других к последованию им в добродетели.

телях и в любви к отечеству; что для составления хороших стихотворцев потребны великое искусство и острый разум; что знатнейшие в государстве люди оказывают им особенное почтение и за сочинения их стараются награждать щедро и пристойным образом, так что столь же трудно найти бедного стихотворца, сколь редко видны Министры, кои бы в рассуждении великой своей власти не обогащались. Сие сказал я не менее из любви к истине, как к умножению чести моего отечества. Таковое объявление о наших пиитах казалось ему весьма странно; он рассказывал, что они у них совсем в другом состоянии, и знатнейшими особами ни мало не почитаемы, кроме только некоторых пышных и глупых, коим, имея нужду в ласкательстве и похвале, дают им несколько на вино денег, и то для того, чтобы другие не подумали, что они с ними коротко обходятся; ибо для знатных особ почитается у них за непристойность и дурачество обходиться с теми, которые их ниже и беднее. Как же скоро принимают они их в свое сообщество, то сие явным доказательством служит, что они дураки или непотребные. «И сие у нас, — примолвил он, — в великой моде».

Он мне также признался, что никогда не уважал ими ни мало; на что таковой поступок приводил его нередко в раскаяние, видя, что стихотворцы стихами и речами своими имеют великое действие во нравах простого народа, который отдает им большее почтение, нежели придворным особам. Примолвил к тому, что неприятели его старались воспользоваться сим его к стихотворцам презрением, склонив искуснейших из них на свою сторону и распаля их на него столь сильно, что все их сочинения наполнены были ненавистью против него; и он с великою досадою принужден был сносить, с какою радостью принимал простой народ все сочиняемые на него сатиры, в которых все его поступки живо представлялись. И хотя он в свое защищение и велел другим в стихах воспевать свою похвалу, однако сии бедные рифмачи были столь неискусны, что в стихах своих заключали гораздо более хулы, нежели похвалы; и если в правлении его хотя малая ошибка происходила, то они, почитая таковой случай самым лучшим средством к прослав-

лению блаженства подданных во время столь разумного Министерства, писали огромные оды; и сии смешные стихотворческие неистовства простирали столь далеко, что как его, так и соучастников таковых добродетелей и совершенств без всякой умеренности превозносили, хотя, с другой стороны рассматривая, всякий находил только пороки и недостатки.

Разговаривая таким образом, достигли мы до дворца; мы взошли на большую лестницу, не будучи обеспокоены любопытством народа; ибо как скоро Его Превосходительство, господин мой, показывался, то все птицы опускали носы в землю и до тех пор так стояли, пока он проходил. Он просил меня подождать в передней комнате; сам же пошел во внутренние покои. Спустя по отшествии его не более пяти минут, растворились двери и показалась Галка, одетая в весьма узкое платье, которое на груди застегивалось и сквозь которого ноги и крылья продеты были. Она вошла в переднюю с подпрыжкой, где, окружая меня, придворные взирали с великим удивлением, но притом с такою вежливостью, что мнения свои друг другу на ухо шептали. Бесстыдная же Галка подбегала к ним, клевала их в ноги и дергала за платье без всякого разбора. Некоторые Каклогальяне первой величины, которых она не могла достать в голову, перед ней нагибались и просили ее, чтобы она сделала им честь и дернула их за гребень. Всякий оказывал ей отменное почтение и давал ей дорогу, дабы она могла ко мне приблизиться. Она смотрела на меня долго и клонула меня потом в палец, не могши достать выше, как только в руку, когда опускал оную вниз. На то в ответ дал я ей такой добрый щелчок, что она вверх ногами полетела; и сие стоило бы мне моей жизни, если бы не запрещено было бить кого-нибудь во дворце. Тогда сделался там превеликий шум, и я опасался, чтобы мщение мое не привлекло меня в несносное несчастье. Но Каклогальянский Государь, которому господин мой рассказал обо мне подробно, уведав, что причину сего шума была Галка, приказал ее посадить тот же час под караул и держать ее там целые три дня, причем дать ей два приема слабительного и один рвотного. Ибо те, которые

сделали какое преступление, не заслуживающее смерти, наказываются у них обыкновенно рвотными или слабительными, смотря по величине учиненного ими проступка. Меня кликнули в аудиенц-камеру, где сделал я поклон по-ученому, как то мне предписано было. Прежде всего оборотился к женщинам, и которая из них была толще, той и более давал преимущества. Первая Шквабава, к коей я подошел, была целую сажень в охвате, подбородок у ней висел на шесть дюймов, и она, как то узнал я после, почиталась у них великою красавицею. Она оборотилась ко мне задом, и все там бывшие принуждены были от того нюхать благовония.

Каклогалинский Государь, который уже довольно был в летах, по описанию своих Министров и других, сластолюбив и неумерен; но я думаю, что иногда бывает он таковым и против своей воли. Ибо, хотя большую часть времени препровождает в беседе Султу-Аквиланских Шквабав (кои по их провинции так названы), однако сие происходит частью от привычки, частью же для того, чтобы не быть обеспокоену частыми приходами своего первого Министра, который всегда ему досаждал, прося его о чинах или себе, или своим сродникам. Что же до Каклогалинских Шквабав касается, то допускает их иногда к себе только для удовольствия их мужей и приятелей; они за величайшую честь поставляют, чтобы их жены и дочери к нему ходили.

Я рассказываю только то, что в Каклогалинии в самом деле в употреблении; ибо при дворе был я целые пять лет и часто находился с сими Шквабавами в беседе. Думаю, никто не причтет мне то в самохвальство, а особливо, когда рассудит, что был я там так же знатен, как обезьяна между нашими женщинами.

Государь принял подарок своего Министра весьма мило-стиво и приказал всевозможное прилагать обо мне старание. Господин мой сказал Его Величеству, что, хотя я и кажусь весьма странным, однако же могу быть ему полезным, нашед меня довольно разумным и способным ко изучению иностранных языков, и что со временем в состоянии буду распространить его государство и привести под иго его ту часть света, в которой я родился.

«Есть ли в этой части света золото?» — спросил Государь. Я осмелился донести Его Величеству, что народ наш самой богатый в свете, и что мы средством своего купечества, которое никогда в толь цветущем состоянии не было, как ныне, привозим в нашу землю великое множество сего драгоценного металла, который уже оттуда ни под каким видом не выпускается.

«Дело сие, — сказал на то Государь, — достойно того, чтобы мы об оном когда-нибудь подумали».

По сем приказал он отвести мне особливую комнату, и на другой день позволено было Султу-Аквиланцам, а потом и Каклогалинам меня смотреть. Я не имел ни в чем недостатка и по прошествии месяца получил дозволение ездить ко двору. Государь призывал меня часто к себе в кабинет, где помогал я ему считать и весить золотую его монету, и записывал цену и вес оной; ибо сие служило ему препровождением времени.

Сей Государь был весьма нелюбопытен, так что в целые пять лет моего при дворе пребывания не спрашивал меня ни одного раза о состоянии Европы и о ее жителях. Любимцы его не получали от него ничего, потому что мне никогда не случилось видеть, чтобы он кому-нибудь пожаловал хотя одну монету, ниже и Шквабавам.

Большие господа, видя меня в толикой у него милости, что Галка по причине бесстыдных ее поступок, которые она и после ареста продолжала, должна была двор совсем оставить, старались друг пред другом оказывать мне свое почтение и дружество.

Они не только давали мне деньги, но приводили ко мне своих жен и дочерей, оставляли их у меня, и непристойные их поступки приводили меня в стыд. Один *Бутефаллиан*, то есть Герцог, сказал мне, что ежели я ему не сделаю чести, чтобы препроводить один час с его женою, то не будет он меня считать за своего друга; и, сказав сие, оставил меня одного с нею.

Герцогиня была ко мне столь же благосклонна, как и ее супруг. Я старался всячески доказать ей, сколь великая разность между ее и моим полом находится; но она, ни мало

тому не внимая, и только твердила, что ей самой довольно то известно, видя меня столько раз нагого; ибо на мне, кроме епанчи, ничего не было, и часто случалось, что Каклогалынский Государь и его Шквабавы, желая повеселиться, сдергивали с меня оную и оставляли меня нагого, так что я принужден бывал от них бегать и выскакивать в окошко, а особливо когда все приводимые мною извинения мне ни мало не помогали. Но, опасаясь прийти у сей Герцогини в немилость, выпросил я у Министра супругу ее довольную пенсию, и тем только самым с обоими примирился.

Некогда один престарелый и притом бедный Полковник, увидя меня в придворном саду, говорил мне так: «Ваше Превосходительство! употребите хотя четверть часа на выслушание моей просьбы: сие сочту величайшею ко мне милостью». Я отвечал ему, что он придает мне несправедливое величание, которого никогда не желаю, но что может объявить мне свою нужду, и я от всего сердца служить обязуюсь, а особливо, видая его часто при дворе с челобитными, по коим, однако же, никакого не получал удовольствия; и сие-то самое возбудило во мне к нему великое сожаление. «Милосердие ваше, — сказал он на то, — столь же велико, как и ваша скромность. Дозвольте же мне уведомить вас, что я в последние войны с Совами и Сороками служил долгое время со всякою верностью; но сколь скоро возвратился из похода, то, к величайшему моему прискорбию, не показав мне ни малейшей причины, отняли у меня мой полк, и отдали оный одному камердинеру, который никогда и в глаза не видал неприятеля. Господин его был Бутефаллалиан и, любя его, хотел наградить его таким образом; я же, напротив того, не получа никакого удовольствия и, хотя прежде имел небольшой достаток, нажитый ревностною и порядочною моею службою; однако отдал оный одному Министру за сей полк, служа в оном несколько лет Капитаном без всякого порока. По таковом уроне приведен я был в самое бедное состояние и, хотя не одну подавал челобитную, однако и по сих пор не получил ничего; ибо некоторые из них хотя и были приняты, но не читаны или, по крайней мере, не хотели мне дать на оные никакого ответа. Итак, теперь, кроме вас,

не имею никакой надежды. Я довольно вижу, что уже не го- жусь более в службу; и требование мое состоит только в том, чтобы приняли меня в Гошпиталь *Меритонианцев*, то есть дряхлых и к службе неспособных военных людей. Сжалъ- тесь же над бедным и несчастным, который Государю и оте- честву служил верно, и оказал себя пред другими во многих случаях, что усмотрите вы из сего моего свидетельства, если примете на себя труд прочесть оное».

По сих словах подал он мне свои аттестаты, из коих в первом написано было, что он прежде всех ворвался в пра- вое неприятельское крыло и оное привел в беспорядок, по- чему и одержана совершенная победа над Сороками и Сова- ми; во втором, что на *Белфюгарской* баталии отнял государ- ственное знамя; в третьем, каким образом напал он на не- приятельский магазин и, отняв оный, принудил неприяте- ля оставить осаду *Барбахена*; одним словом, он имел с двад- цать аттестатов, подписанных Генералами и знатнейшими военными чиновными, кои на отменную его храбрость еди- ногласно особую похвалу приписывали. Прочтя оные, отдал ему назад и спросил, чем могу я ему служить. «Я прошу вас, — сказал он мне, — рекомендовать меня первому Министру, дабы я, как заслуженный Офицер, получил пенсию». «Вы не можете сделать богоугоднейшего дела, Государь мой! — отвечивал я ему. — Конечно, вы двор весьма мало знае- те, когда думаете, что там заслуги уважаются. Ваши аттеста- ты доказывают, что вы исправляли должность свою, как под- лежит каждому честному Офицеру. Однако вы делали долж- ное, и за то награждены довольно». «Я все довольно разу- мею, — отвечивал Полковник, — но могу вам множество таких представить, кои или ушли, или при сражении весьма худо поступали; однако, невзирая на то, удержали свои мес- та, а иные еще и возвысились». Я отвечивал ему, что, хо- тя то и правда, однако сии петухи были, может быть, другим образом двору полезны, либо имея прекрасных жен или до- черей, или в великом совете могли служить своими сове- тами.

«Но я, государь мой! хочу говорить с вами чистосердеч- но, — присовокупил я еще, — я никак не могу служить вам

в сем деле. Министру надлежит почти всех Бабле-Цифериан (так называются члены великого совета) привлечь на свою сторону. Они имеют множество лакеев, кравчих и других служителей, которые идут в Гошпиталь, так что и находящиеся там Офицеры и солдаты скорее выведены быть могут для очищения им места. Ежели некоторых из Бабле-Цифериан хотите склонить к сожалению, дабы в просьбе вашей иметь лучший успех, то прежде всего постарайтесь задобрить служителей некоторых Шквабав или и их самих. Сим средством легко можете получить желаемое». «Я лучше хочу умереть с голоду, — сказал он на то, — нежели учинить столь мерзкое дело».

Сие произнес он с великим жаром; но я ему отвечивал с холодностью, что он, может, то получит, как хочет. «Итак, я вижу, — сказал Полковник, — что и вы меня защитите не хотите».

«Я уже показал вам причины, для которых не могу вам ни мало помочь, — сказал я ему. — Но ежели ваши аттестаты и челобитный могут вам принести пользу, то пожалуйста, я подам их Государю». «Наш Государь, — говорил он, — весьма добродетелен; но все делается чрез Министра, от которого ничего надеяться не должно». Сказав сие, простился он со мною весьма учтивым образом. Министр, услыша, что я с сим Полковником долго разговаривал, спрашивал меня, чего он от меня требовал. Я рассказал ему о его просьбе, говоря притом, что, не хотя беспокоить о том Его Превосходительство, ему отказал. «Птицы, — сказал он, — кои заслугами своими хвастаются, бывают чрезвычайно бесстыдны. Сей Полковник был бы, конечно, при своих правилах счастлив, ежели бы он жил за два или за три века прежде; но ныне оные уже не в моде, и он, последуя древнему своему нравоучению, должен будет умереть с голоду.

Как! он столь бесстыден, что всегда хочет говорить правду, и по сих пор поступок своих не переменяет, хотя за то уже неоднократно было ему от двора отказано. Он осмеливается сказать в глаза знатному петуху, что он сводник и возвышением своим должен курицам своей фамилии. Он укоряет без всякого рассуждения трусостью того, который

предосторожностью своею избег от опасности. Иному напоминает бесстыдным образом то, что он был лакеем, хотя счастье и возвело его столь высоко, что он между знатнейшими в государстве почитается. Сего еще не довольно; он дерзнул и мне сказать, когда я не хотел принять его челобитной: весьма жалко, для чего народ, посадя меня в темницу за покражу государственных доходов, не дал мне слабительного и меня не повесил; також, будто я явный государственный грабитель и заслужил виселицу более всякого вора. Бедность и глупость его были причиною, что я над ним сжалился и его простил; хотя, кажется, и того довольно для него наказания была, что над ним все насмеялись. Он не имел ни куска хлеба; однако я пошел к нему в дом и приказал давать ему все нужное к его пропитанию, не дав ему притом знать, кто его благодетель».

Свойство Каклогальян

Каклогальяне были в древние времена народ разумный и храбрый, соседям страшный и ими почитаемый. Род их не был смешен ни с совиным, ни с сорочьим, ни с орлиным, ни с грачевым, ни с галочьим, ни с тетеревиным, ни с цаплиным, ни с сокольным или каким другим. Но напоследок, по неосторожности самих Каклогальян, размножились сии роды мало-помалу между ими, и от происшедших браков между сими разными народами воспоследовало падение, на которое те фамилии, кои с другими остались несмешенными, толь много жалуются. История их соседей свидетельствует, сколь велики были их предки, и доказывает довольно различие между древними и нынешними Каклогальянами. Первые столь же ревностно и точно повиновались законам, сколь много почитали свою вольность, так что всякий думал, что общее благоденствие того требует, чтобы поспешествовать общему добру. Но, дабы не зайти далеко пространним описанием нравов древних Каклогальян, то коротко скажу, что походили они на нынешних Агличан: были ра-

зумы, скромны, храбры, человеколюбивы, справедливы, к отечеству усердны, искусны в управлении своего государства и в завоевании другими, любили странноприимство, ободряли достоинства, а к ласкательству величайшее отвращение имели. Поспешествователь любовных дел умер бы у них с голоду; да и сама Государская любовница не смела бы появиться в собрание добродетельных куриц, хотя бы и могла сделать мужей их счастливыми.

Никто не мог у них получить Дворянства чрез деньги; но всякий поступал в высокие чины единственно по своим заслугам и достоинствам, кои тому обществу, в которое они принимались, немало чести приносили. Правосудие наблюдаемо было без наималейшего пристрастия, и не слышно у них было о том стыде, чтобы народ продавался Государю или Министру. Никто не подкупал народ, чтоб его выбрали в Депутаты. Государственные чины раздаваемы были таким петухам, кои могли отправлять оные, не будучи никому в отягощение; из доходов их недостойные и порочные люди не получали ни малейшей пенсии. Купечество и торговля находились у них в цветущем состоянии, деньги были хорошие, и никто из их соседей не смел сделать им в том ни малого помешательства; напрасных даяний почти никаких не было. Короче сказать, они, подобно благополучному нашему народу, премудрым своим правлением приводили всех в удивление, а неприятелей в ужас. Напротив того, они совсем переменились, и почтение, которое прочие народы к ним имели, уменьшилось даже и при мне весьма много; ибо всякий видел приближение их падения. Всему сему причиною, должен я признаться, безрассудное правление моего приятеля первого Министра, который, приняв на себя все государственные дела, не мог никоим образом показать в том успехов, потому что оные превосходили его силы. Воспитание, науки и искусство его касались особливо до купечества, и все знания, коими он любимцами своим был выхваляем, простирались всего более до торговли, до управления государственными приходами и до вымышления монет, чем должен был своей порядочной переписке с одним известным и на всякие выдумки искусным купечественным на-

родом. А как привык он и дома все получать чрез деньги, то и вне государства не употреблял более никакого средства; и потом, когда соседи между собою придут в несогласие и во спомоществовании Каклогалян возымеют нужду, то мешались они весьма часто в таковые ссоры и сверх того брали весьма великие суммы денег за ту честь, что которому-нибудь из сих несогласных народов могут послать вспомогательное войско. Таким образом, были они оружены оружием, употребляемым другими народами. Они от природы склонны к бунтам, и допустили *Карморанцам* в разных частях их купечества сделать великий подрыв, хотя с сим народом беспрестанно в дружестве жили. Они любят войну столь сильно, что платят деньги, чтобы с ними ссорились, хотя бы и могли наперед предвидеть, что от победы своей, кроме ударов, ничего не получают. Когда имеют они милостивого правителя и приобретают богатства, то всегда находят в нем что-нибудь хулы достойное, и ищут всякого случая к бунту. Когда же они утесняемы и приходят в бедность, то ласкают своему Государю, и тиранство им нравится. Они весьма высокомерны и горды; но напротив того, в иных случаях чрезвычайно низки и подлы. Честью своей фамилии жертвуют они с охотою своей пользе. Ничто не почитается у них за стол поносное, как бедность; и для того все непозволенные к набогачению средства, как то обман, похищение государственной казны и малолетних, сводничество, клятвопреступление и другие сим подобные пороки ни мало за стыд не почитаются, если только умеют скрыть оные. И сии главные правила наблюдают они как в государственных, так и особенных делах. Я знал одного, который из трехфутовой птицы сделался *Макесевясибием*, которое место делает всякого в 8 футов и 6 цолей, и одно из знатнейших во всем королевстве. Имеющий чин сей должен всех Вельмож наставлять в том, что касается до законов и до других дел, надлежащих до совета, и отправляет притом должность главного опекуна. Некогда дошла до Государя жалоба, что он имение малолетних употреблял в свою пользу, и оное совсем себе присвоил. Для сего по повелению Государя и по требованию народному призван был в суд. Он отвечал, что в

том отрицаться не может; но что иначе не можно ему было содержать себя по своему состоянию, потому что он весьма беден. Между тем, по следствию нашлось, что он весьма много нажил, и так богат был, что надлежало иметь к нему почтение. Он жил славно и умер спокойно, как будто бы был истинный сын отечества. По кончине его сделали ему весьма великолепное погребение. Оказанные им отечеству заслуги изображены были прекрасными надписями. Сие привело меня в немалое удивление; я везде спрашивал, по какой причине тому, которого почитали явным законопреступником и обманщиком, отдают столь великую честь. Однако везде мне так отвечали: он умер в богатстве и сего уже довольно было, чтобы ему толикую честь оказывать.

Закон Каклогалян

Сей народ рассказывает, что он признает одно высочайшее Существо и почитает единого Бога; однако признаться должно, что я сперва в том сомневался, приметя, что знатнейшие в государстве всегда насмехались над законом. С самого начала был у них в храме шар из чистого золота, изображающий вечность. На нем находилась надпись неизвестными буквами, чрез что изображали они неисповедимость предвечных определений. Чрез несколько времени некоторые почли то суеверием, и старались отменить оное; для того шар, который, по их мнению, был очень толст, приказали переменить и переделать совсем другим образом. Иные хотели иметь четверугольник для изображения чрез то правосудия; другие же говорили, что лучше сделать осьмиугольник для изображения вездесущия. Иные же хотя и признавались, что шар перелить должно, однако в неправильную фигуру, почитая сие за нечто суеверное. От сего последовал такой спор, что дошло и до драки, и каждая сторона, получив верх, давала шару такой вид, какой ей хотелось. И так сей слиток металла, будучи столь много раз переплавлен, сделался весьма мал. Сии драчуны, пролив потоки

крови, наконец наскучили и положили вылить другой шар, который бы, однако же, не совсем кругл был, дабы удовлетворить тем нежную совесть. Спустя несколько времени, вздумалось иным, что и медный шар может заступить то же место. От сего дошло опять до великой ссоры. Наконец, с общего согласия положено было, чтобы сей шар стоял в храме; но чтобы каждый имел у себя в доме особливового идола, какого хочет; однако, чтобы шару отправлялось прежнее служение, жрецы остались при своих прежних доходах и пеклись о жертвоприношении. Главнейшие жрецы рассудили наконец, что сии жертвы весьма многого стоят и совсем не нужны, и потому мало-помалу совсем их отставили, хотя, напротив того, иные говорят, что оные Вельможами присвоены двору для уменьшения почтения к жрецам и для воспользования их деньгами, от чего они были весьма богаты и горды. Сначала были они люди искусные и почтенные, но ныне уже не почитают их таковыми; ибо они о сохранении блага своего общества и о удержании своей знатности мало пекутся. И как некоторые из них предавались роскоши и не имели довольно разума сокрыть оное, то простой народ не оказывает им более того почтения, кое имел к ним в древние времена.

Со всем тем, есть и бедные духовные, ибо они не все богаты, потому что большие притесняют малых, которые ведут жизнь скромную; и между ими еще и ныне находится особливая секта, которая золотой шар до сих пор хранит, продолжает приношение жертв и гнушается клятвопреступлением. Однако они отправляют свое служение тайно, и почитаются людьми упрямыми и несмысленными.

Большие господа не имеют у себя в домах идолов. Они признают, в самом деле, одно Божество, по крайней мере, некоторые из них, однако они ни мало не думают, чтобы поклоняться сему Божеству была какая нужда. Жители среднего состояния начали еще прежде моего отъезда из Каклогалинии жить весьма по-светски, подражая придворным, и также весьма мало почитать закон. Сей их порок в рассуждении закона ничему другому приписать не могу, как только презрению духовенства, кое некоторые Дворяне, особ-

ливо господа придворные, всегда ищут привести у народа в ненависть и посмеяние, расславя их везде, как птиц злых и бесполезных, и кои не лучше слепней. Из них выбирают иногда в высокие чины, однако таких, которые известны распутною и нечестивою своею жизнью, и показывают себя присяжными врагами древнего своего закона, чем все их общество приходит тем в большее омерзение у народа. А сверх того те, кои побогаче, бывают всегда преданы великой роскоши.

О просвещении и правлении Каклогалян

Каклогаляне весьма много тем хвастают, что они во всем свете только один народ, наслаждающийся вольностью, и потому они всех прочих почитают невольниками. Они объявляют, что их государство, будучи избирательное, Государи их действительно их слуги; что они не более власти имеют, как сколько они им дают оной, и что она не далее простираться может, как только до исполнения законов и до сохранения надлежащего порядка в правлении; понеже они, сколь скоро Правитель предписанные преступит пределы, без всякой церемонии тотчас его низвергают, и в то же время выбирают другого на его место. Но сколько я сам мог приметить, то сие было единое тщеславие (ибо, в самом деле, Каклогаляне весьма великие охотники хвастать, когда о себе говорят), потому что во время моего у них пребывания первый Министр, мой защитник, столь самовластно над ними господствовал, и ни на кого не глядел, выключая Шквабав, как самодержавный Государь, который, кроме своего хотения, никаких не имеет законов.

Хотя и есть Великий Совет, состоящий из многих особ, коих именем всякие важные касающиеся до правления дела отправляются, и коих называют Бабле-Циферианами, однако всякому известно, что первый Министр сажает в сей Совет и удаляет из оного, кого захочет. Я сам не один пример видел, что те, о коих он думал, что они ему недоброхоты, не-

довольны были его правлением, тотчас были отрешены из Совета; а на их места определены были другие. Нередко случалось мне видать, что многие достоинств не имеющие птицы ходили на поклон к Министру и просили его о принятии их в Великий Совет, как будто в службу. Со всем тем, когда станешь говорить с Каклогальянином, то каждого хочет уверить, что ни одну птицу, какого бы она состояния и чина ни была, не иначе выбирают, как по большинству голосов. Однако, как я уже выше сказал, они столь горды, что ежели о себе рассказывают, то ни мало не рассуждают, что они говорят.

Всего примечания достойнее, что как курицы, так и петухи весьма часто ожидают убылого места в сем Совете, а особливо те, кои у Шквабав в милости. А хотя расположение любовных их дел столько у них отнимает времени, что они к общенародным делам не весьма прилежат, однако во всем, что до оных касается, имеют великое участие, а особливо придворные Шквабавы, кои часто берут великие подарки с тех, которые хотят, чтоб о делах их в Совете предложено было им в пользу. Итак, они он всегда присылали к моему господину с просьбою, сколь много они того желают; при которых случаях они всегда в Совет не ходили, чтоб, когда дело покажется сомнительно, не возымели на них подозрения; но оное вершилось всегда по желанию их, как будто бы сами они при том были; ибо, как мой господин ни был горд, однако в рассуждении сих Шквабав был невольником.

Что касается до их законов, кои они за самые лучшие во всем свете почитают, то они в самом деле суть источником беспрестанного мучения подданных, которое происходит от многих причин, а особливо от следующей: если надобно ввести какой-нибудь новый закон, то Великий Совет поручает сочинить оный некоторым из своих приказных или адвокатов, которые делают оный в пользу своего ремесла и весьма темными и двозначащими словами наполняют. Сие подают повод к бесконечным ссорам и дракам между соперниками и дает такую власть *Каю* (так называется судья), что он в состоянии растолковать закон по своему произволению. Я часто при том бывал, как *Кая* торжественно выслушивал

обоих соперников для решения их дела, и при том примечал, что как скоро адвокаты предложат свои дела, и один из них станет говорить, что в прежние времена тот или какой другой судья изъяснял закон таким-то образом, то *Кая*, как главный, давал совсем другое решение, говоря: *«То мнение было, может быть, его, а это наше»*.

Таким образом, имение простых птиц, которое по их объявлению нигде так не безопасно, как у них, имеет весьма слабое основание, потому что зависит от законов; и так ниже самый разумный и ученый не может сказать мне точно, что такое закон. Искусство самое весьма часто доказывает, что служащее сей день законом на другой день не бывает оным. И потому думаю, что когда две противные стороны ссорятся между собою о каком имении, самое лучшее средство к разделке состоит в том, чтобы они кинули косточками, кому из них должно оное достаться.

Сие двузначение законов бывает причиною, что подкупленный с которой-нибудь стороны в сем случае судья служит бичом бедных подданных. Они весьма часто претерпевали от того великие бедствия, как то усмотрел я из их летописей. Ибо во время правительства подлых Министров выбирались в судьи не по достоинству их и заслугам, но единственно по преданности, которую они к своему покровителю имели. Они господина моего обвиняли, что он старался всячески их подкупать и по возможности делать их худыми. И так чрез них и чрез шпионов, коих имел он во всех знатных домах, довел Вельмож до того, что они против его и его фамилии ничего предпринять не смели; а хотя некоторые из них и хотели было стараться о введении лучшего образа правления, однако имение их было отписано, и они сосланы в ссылку; иначе же воспоследовала бы его гибель.

О сем рассказывали мне другие ; я же не могу привести ни одного примера о подкуплении сих *Каев* так, чтобы онный испытал собою; и такое имел отвращение к их законам, что ни с одним хранителем оных не хотел иметь обхождения. Сколь часто помышлял я о благополучии моего любезного отечества! где царствует благородная вольность, и никто не притесняем властью; где никто не продает свою вольность за

подарок, и каждый Министр должен дать отчет в своих поступках также перед выбранным по воле Парламентом, который состоит из людей добродетельных, разумных и честь любящих, коих благополучные обстоятельства избавляют их от всякой низкости, и которые ни о чем более не пекутся, как только о общем благе, и от Министров, у коих на руках государственные сокровища, вернейших отчетов требуют. Когда я увидел, что вернейшие и честные птицы должны были уступать свои места самым злым и лукавым и что к сводникам и легкомысленным курицам на поклон хаживали; что, наконец, чины раздавались по намерениям к роскоши, то сколь часто прославлял я твое блаженство, о, благополучная Британия! где добродетель награждается, а пороки наказываются; где достойные люди не терпят ни в чем недостатка и не принуждены ходить на поклон к наложнице знатного господина; где невежды, подлые души и порочные люди, сколь бы ни знатной породы и богаты ни были, остаются в презрении и ни малейшего публичного чина не получают.

Когда у Каклогалин устанавливаются какие поборы, то деньги вносятся в государственную казну, от которой ключи имеет Министр. Из сей суммы отдает он под заклад, и берет великие проценты. Если же кто из нижних чиновных подает свои счета, то должен наворованное разделить с Министром и с некоторыми знатнейшими особами Великого Совета. Я знаю одного, который заплатил ему триста тысяч *рахфантасинов*, что составляет сто тысяч фунтов стерлингов, и сие была почти третья часть полученной им незаконной прибыли. Весьма часто случается, что ни к чему годные птицы в весьма важные и знатные чины определяются и, подобно грецкой губке, все к себе притягают, но столь же легко и бывают выжимаемы.

Что касается до их купечества, то *Карморанцы* в последние годы привлекли к себе большую часть оногo, потому что некоторые из сего народа вмешались в Каклогалинские государственные дела, и чрез то легко нашли способ достигнуть до своего намерения.

Они также всячески стараются в молодых знатных Каклогальянах возбудить презрение к закону, а на место того вкоренить в них любовь к распутной жизни, и чрез то сделать их невеждами и хилыми, дабы, воспитая их таковым образом, тем удобнее для них было привести их землю в рабство.

Военная строгость наблюдается у них с великою точностью. Как скоро солдат их хотя мало должность свою упустит, то немедленно выщипают ему из спины перья, и на то место прикладывают весьма едкий пластырь, который в самое короткое время до самых костей разъедает. Если же учинит он какое преступление, за которое положена смертная казнь, то привязывают его к столбу, и целый полк его рубит. Я видел, что у одного осужденного на таковую смерть от нескольких ударов вышла вся внутренняя.

Если кто говорит против Министров, тому дают слабительное или такое сильное рвотное, что он от того умирает. Если же кто не окажет довольной чести Министерскому служителю, то почитается сие за поношение самому его господину, и за то сажают обыкновенно на год в тюрьму. Но обида, учиненная Шквабаве, столь великою почитается, что за оную положено таковое наказание, как за величайшее преступление. Нередко случалось, что те, кои за свой обман и плутовство и за другие преступления попадались под суд, хотя и были в том уличены, однако чрез несколько времени до великих достоинств достигали весьма счастливо, и столь почитаемы были, как будто они пред другими особое почтение заслужили.

Я знал одного славного из обманщиков обманщика, который не умел ни писать, ни читать, однако определен был в *Баттаны*, или судьи. Сей чин получил он за свое искусство в бабачной игре.

Хотя они всегда содержат несколько войска, однако же все Каклогальяне воины и должны в случае неприятельского на землю их нашествия служить без жалованья.

У них, кроме дворца, нет укрепленных мест, опасаясь, что оные бунтовщикам жилищем служит могут. Читатель, может быть, удивится, каким образом какое-нибудь место против тех укреплено быть может, кои чрез ямы, валы и сте-

ны перелетают. И потому должен я объявить, что в их крепостях все отверстые места от одной стороны к другой обтянуты холстом, который усыпан ядовитою травою, от коей, если полежит на солнце только 6 часов, происходит такой ядовитый запах, что ни один петух не может долететь туда за несколько сажень.

Но сей запах всходит вверх; следовательно, и не вредит тех, кои внизу находятся. От сего происходит, что их осады более блокадами назвать должно, и что крепкие их города сдаются от одного голода. Ибо, хотя я и сказал, что Каклогальяне крепостей не имеют, однако у соседей их по городам находится сей холст и множество таких трав, кои могут почти на целые сутки привести оные в оборонительное состояние.

Если кто умрет, то имение его достается старшему его сыну или дочери. Другие же сыновья записываются в военную службу или купечеством промышляют. Дочери выходят замуж за ближних родственников, которые должны их взять или содержать по их состоянию. Многоженство у них запрещается, хотя знатные и мало уважают сим запрещением. У них заведены публичные школы для воспитания и призрения бедных; но как весьма много таких, которые думают, что для них предосудительно туда быть принятыми, то оные должны наконец совсем прийти в упадок.

Обычаи, нравы, одежда и увеселения Каклогальян

Каклогальяне почитают себя просвещенным народом; и в самом деле, те, кои по другим землям ездили, весьма учтивы, услужливы и ласковы, хотя обыкновенно рассматривают, кому должны они предлагать свою дружбу и услуги. Если же кто сии предложения почтет за нечто большее, нежели за комплимент, и придворному господину напомним о его обещании, то таковой почитается за деревенщину и за великого невежду в обхождении. Они не весьма обходительны, хотя и часто посещают друг друга, что между знатны-

ми всегда с великими церемониями происходит; ибо тот, который хочет посетить, посылает всегда своего слугу наперед с объявлением, что господин его хочет сделать себе честь поцеловать у него шпоры. Ежели сей дома или дома сказаться захочет, то говорит в ответ, что весьма благодарен за оказываемую ему честь и что он того с наибольшею нетерпеливостью дожидается. Как скоро придет сей гость, то один из его слуг дает о том знать во всем доме, стуча в медный таз, который у всех знатных на дверях висит, столь долго и столь сильно, что ежели бы сие кто-нибудь в Англии сделал, то, конечно бы, почли его за нарушителя общего покоя. По таковом стуке отворяются двери, и пришедший бывает встречен, смотря по своему состоянию, или на крыльце, или в зале, или во внутренних покоях, куда вошед, сажают его на ковер, и он осведомляется о благосостоянии всей фамилии, разговаривает о погоде, а потом с великою же церемониею прощается, и бывает так же провожаем, как и был принят.

Никто не посещает государственного Министра. При посещении нет у них ничего сходного с обыкновенным Аглинским гостеприимством; ибо никому не подают никаких закусок, ниже свежей воды, кроме только на обыкновенных пирах или на свадьбах. При последних бывают они обыкновенно весьма расточительны. Молодые целую неделю могут быть вместе; по прошествии же того времени почитается у них за непристойность появляться в собраниях с женою; и кажется, что замужние хотят отомстить друг другу за учиненные прежде обиды. Ибо жены стараются доказать презрение к своим мужьям; напротив того, и мужья также доказывают, что они жен своих ни во что вменяют. Они великие охотники к кукольным и другим играм. Есть между ими много бедных Каклогаян, кои на площадях за деньги сражаются и зрители бывают чрезмерно довольны, ежели они друг друга разобьют до крови; а если искусством своим удержатся они от пролития крови, то награждаются весьма худо, и все называют их трусами.

Некогда одна коза сделала великий вред на полях *Данофалиевых*, некоего знатного святого, который за 1200 лет

жил; для сего во всех домах празднуют обыкновенно один ден в году, в который приводят козу, ломают ей кости и ребра и с живой кожу сдирают.

Похороны у них столь великолепны, что часто все свое наследство на то истощевают. Когда мертвое тело несут из дома, то идет наперед Герольд, который титулы умершего громко возглашает; а если никаких не имел, то дают ему три дни сроку, чтоб он мог сочинить его родословную. Я был на похоронах одного портного, который, однако же, по рассказам Герольдовым с первым Министром в близком родстве находился; и я упомянул несколько слов из говоренной в честь умершего речи, которые теперь читателю и сообщаю: «Взирайте, любезные сограждане! — кричал Герольд, — на суету всех земных вещей! Оплакивайте несчастную вашу судьбину, которая лишила вас сего знатного и славного *Эваносмадора*. Ежели бы добродетель, искусство и благородство могли поколебать смерть, сего ненасытного тирана, то был бы он бессмертен. Кто видел когда-нибудь толь великого духа? Кто превосходил его в художествах? В чьих жилах текла благороднейшая кровь?»

По сем возглашал он его родословную, по коей происходил он от величайших Князей, Вельмож и Каен.

Когда тело принесут на площадь, где все умершие сжигаются, то жрец говорит надгробную речь; после чего нанятая толпа провожатых начинает выть, и сие до тех пор продолжается, пока труп не превратится совсем в пепел. Огонь возжигается из нескольких костров, складенных из дров, на коих герб умершего или резным, или живописным художеством изображен и из которых всякое полено на наши Аглинские деньги по крайней мере одной кроны стоит.

Каждому из провожатых даются два таких полена, из коих он одно кладет на костер, а другое берет с собою домой и там вешает. По сожжении тела вывешивается портрет умершего на воротах, откуда его не снимают целый год. Что касается до их церемонии в рассуждении распоряжения похорон, то она весьма скучна, и потому почитаю за ненужное описывать оную пространно. Но здесь остается упомянуть еще, что дроги, на которых возят мертвое тело, бывают заложены

ны шестью или осмью штраусами, покрытыми золотыми попонами.

Если кто занеможет, то посылают за врачом; сей рассматривает наперед состояние больного, притом приказывает призвать к себе *Вененугаллоцыора*, а по-нашему Аптекаря, и рассказывает ему, что надобно дать больному. После сего, взяв за такой труд деньги, садится в свои носилки; ибо врач, хотя бы он столь же, как *Гермес* и *Гален* был искусен, не достанет никогда хлеба, ежели знатного господина не представляет. Он не преминет посещать больного всякий день ввечеру и поутру, если только больной платит ему всегда порядочно. А ежели приметит, что и кошелек его также недомогает, то записывает у себя сей дом, и уже его туда никакими просьбами не заманишь.

Когда друзья больного увидят, что не остается уже ни мало надежды к его выздоровлению, то разграбляют его дом, оставляют совсем его, и часто доходит у них до драки, напоследок и до челобитья, а чрез то самое обыкновенно как челобитчики, так и ответчики приходят в несчастье; ибо стряпчие их редко доводят дела к окончанию, прежде нежели судящихся не приведут в бедность. А хотя им и небезызвестно, что из процесса их всегда такие следствия выходят, однако со всем тем никакой народ не склонен так к тяжбе, как Каклогальяне.

Ежели кто придет в убожество, то почитают его зараженным язвою, все знакомые его бегают, и даже до того, что и родные его дети его презирают, если сии благополучнее, и не хотят его знать. Агличанину, почитающему достоинства и под рубищами и презирающему, напротив того, порок во всем великолепии и пышности, должно сие показаться весьма странным. Как скоро разбогатеет какой Каклогальянин, то оказывают ему величайшую честь, хотя бы он впрочем происходил из самого низкого рода. И те самые, кои от него не могут ничего ожидать, оказывают ему глубочайшее почтение. Если спросят, кто это такой, то не говорят они, что это такой-то честный или весьма превосходных свойств петух, но отвечают: «У него на столько-то тысяч имения». Богатство приводит в толь великую знатность, что один

купец, сын мясников, столь много гордился своим богатством, что осмелился сказать самому их Государю, что если не запретит он привозить из чужих земель хлеб, которого у него много, то он из государственного сокровища возьмет свой капитал, и тогда Его Величество увидит, откуда может получить деньги. Многие советовали Государю за такую его дерзость отрубить ему голову; однако сей добрый Государь того не сделал.

Одежда их состоит из весьма узкого казакина и длинной епанчи, которая бывает и весьма богата и худа, тонка или толста не по состоянию, но по богатству каждого. Весьма трудно различить по платью знатных от купцов, а Шквабав от их комнатных девушек, ибо низкого состояния все свое имение употребляют на платье. Они вешают на шею себе ленты, колокольчики и сим подобные, и перья их на хвостах смешаны бывают или с павлиньими, или с какими-нибудь другими пестрыми фигурами, на что они, как уже упомянуто выше, должны испрашивать позволения у Государя.

Экзерциции их весьма тягостны; особливо любят они одну игру, которой я никак не могу на нашем языке изобразить. Один бьет другого изо всей силы крылом, а сей последний, напротив того, отвечает или клеваньем, или толчком, или колет шпорою. Подумать можно, что они сердятся в самом деле, ибо бьют без разбора и без разума куда ни попало. Таким препровождением времени забавляются они до тех пор, пока на ногах стоять не могут или пока не будет у кого из них переломлено крыло, нога и шея, за что они, однако же, ни мало не сердятся.

Они столько любят кукушечий крик, что целые два часа слушают сию музыку, за которую сим птицам весьма дорого платят, почитая оную за весьма прекрасную. Я знал знатную госпожу, которая сей птице за то только, чтоб она по вечерам пред постелею ее несколько пропевала, давала в год жалованья 5000 шпасм, а на наши деньги 5000 фунтов стерлингов. А как воздух сей земли для кукушек холоден, понеже они прилетают туда из теплого климата, то они пробывают там не более трех лет, по прошествии которых опять возвращаются домой, нажив там столько денег, что строят

себе великолепные палаты. Приехавшие же оттуда домой посылают на свои места других; и так Каклогальяне никогда не лишаются удовольствия, кое получают от сих птиц.

Другую их веселость составляет бегание взапуски штрау-сов. Содержание сих животных и заклады о них приводят многие знатные фамилии в бедность. Они столь страстны к игре в кости, что проигрывают детей и жен и видят их поедаемых теми, коим они их проигрывают, если они знатного состояния.

Сие краткое изображение Каклогальянского народа почел я за нужное представить читателю, дабы он мог иметь хотя малое о нем понятие. Я был заброшен на берег их в самое то время, как они заключили мир с Сороками, народом весьма сильным, с коим они весьма долговременную и кровопролитную войну имели, которая обоих народов силу и богатство весьма истощила. Повод подали к тому сами Каклогальяне; они присвоили себе право дать наследника после Императора *Хултиния*, который был уже весьма стар и бездетен. Но Сороки утверждали, что восприятие *Бубохибонианского* престола принадлежит их Королю, как сроднику Императора.

Все соседственные Владельцы приступили к Каклогальянам и старались ослабить весьма возрастающую силу Сорок, потому что тем нарушалось равновесие. Ибо владетель их, будучи Государь весьма сильный и честолюбивый, приводил всех в опасность, чтобы не покусился на всеобщую Монархию. Между тем, не соглашались многие из союзников Каклогальян, имеют ли они более права, нежели другие, определять наследника; и если бы сия Монархия досталась сильному Государю, то столь же бы сие было вредно общему благу, как когда бы она была и у Сорок; чего ради хотели разделить ее на части.

Павлин, желая быть Первосвященником всех народов, чего ради и требовал от них дани, называя себя при том раздавателем государств, должен был сносить, что Сороки не платили ему дани. Он жаловался на сию несправедли-

вость и просил *Биготеазия*, чтобы он *Грипеаллиомиту*, Королю *Сорок*, объявил войну, который ему, однако же, в том отказал в рассуждении заключенной с ним пред тем дружбы. Сие так досадно было Первосвященнику, что он возбудил против него бунт, в котором он, будучи свержен с престола, засажен своими подданными в тюрьму, где он и умер. Государство же его отдал Первосвященник с согласия народа одному Принцу, которому в благоразумии и мужестве и в истории мало подобных находится.

Сии войны продолжались 6-7 лет, в которое время Каклогаляне более всех убытка претерпели; и от того пришли они в такие долги, что каждый принужден был стараться выдумывать проекты для сыскания денег, коими бы можно было платить хотя одни проценты.

Сих проектов, кои ежедневно подаваемы были Министру, столько было, что ежели бы он захотел их всех рассматривать, то бы недостало ему времени на другие важнейшие дела, хотя я и должен признаться, что защитник мой, первый Министр, весьма мало в оных трудился. Все его проекты и мысли касались до собственной своей пользы. Ибо я, приходя к нему весьма рано и объявляя всем знатым птицам, приходящим к нему на поклон, что Министр упражняется в весьма важных делах, и для того теперь никого к себе допустить не может, находил всегда, что он вместо того писал о своих штраусах или об охоте, или о своих строениях, или упражнялся в рассматривании домашних счетов. А хотя я о своем роде и не всегда хорошие имел мысли, однако поступки сего великого Министра подавали мне повод думать, что петухи гораздо корыстолюбивее и маловажнее человека; и они мне так омерзели, что я с тех пор стал почитать их за тварь, которая ни к чему больше не годится, как только на вертел.

Намерения, кои он производил в действо, были чужие изобретения, хотя оными как собственными хвастовался; и могу сказать, что он прежде меня из подаваемых ему проектов всегда выбирал самое худшее.

И так я, будучи уже два года при дворе, получил приказ иметь о сих делах попечение, причем придан мне был ти-

тул *Кастлеаериана*, или рассмотрителя проектов, и за то определено мне жалованья 30000 шпасмов. Первый поданный мне проект состоял в том, чтобы на платье и на штоф наложить пошлину. Однако я его опровергнул для того, что штофная фабрика находится в Каклогалинии, и потому от возвышения цен последует вреде купечеству сего государства; да и Корморанцы, кои делают также штофы, хотя не так хорошие, как Каклогальянские, будут иметь случай чрез дешевую продажу своих товаров привлечь к себе все купечество. Но читатель чувствовал бы величайшую скуку, ежели бы захотел я описать здесь все проекты, и какие на оные делал примечания, о чем всякую неделю объявлял Министру, который всякий раз соглашался на мое мнение.

Многие предлагали, чтоб наложить подать с сажи, с хлеба и с лент; у знатных господ обобрать серебряную посуду и отдать на монетный двор, также запретить носить на платье серебро и золото. Иные хотели наложить подати с карет; иные предлагали, чтоб те, которые носят серебряные или золотые шпоры, также известную подать в казну платили. Но как все сие особливо касалось до богатых, то Министр и не хотел вводить оного; напротив того, нравились ему всего более подати с солнечного света по часам, ибо, установя оную, бедный крестьянин должен был платить за двенадцать часов дневного света, а богатые и знатные, которые обыкновенно спят до полудня, платили бы только за шесть часов. Сверх сего, те, которые пили чистую колодезную воду, должны были за то платить также некоторую пошлину. Сие касалось также только до бедных, ибо богатые и знатнейшие пьют сок из одного дерева, привозимого к ним в землю *Бу-богибонианцами*.

Кто по крайней мере не менее как на сто шпасмов имел недвижимого имения, тот должен был платить всякий год десять шпасмов.

Один подал проект, как из месяца возить золото; сей был весьма хорошо принят, и предложения его снискали великую похвалу. А хотя я сей проект, сочтя вздорным, и помарал крестом, однако сочинитель оного получил награждение, и к сему путешествию сделаны были нужные распоряжения;

после чего и ко мне прислали указ в исполнение сего проекта ехать в месяц. Он уверил Министра, что лунные жители на меня походят и что я, конечно, упал из их мира; по крайней мере, сие мнение казалось ему вероятнее того, что им рассказывал я о путешествии моем по морю; и что я сие повествование от себя выдумал из любви в отечеству, дабы в Его Величестве не возбудить охоты привести оное под свою державу.

Он так уговорил Министра, что все мои противоречия ни мало не помогли. Он мне сказал некогда, что все Философы утверждают, что звери, растения и минералы рождаются и питаются жизненным духом, яко таким изящным существом, которое из всех стихий происходит и может воздухом или огнем назваться, однако в самом деле ни то, ни другое; что сей дух получает действие свое от планет; что все металлы рождаются от сего духа, и разность оных происходит от чистоты и нечистоты *матрис*, или маток. А понеже действие планет неоспоримо, то месяц, который лежит ближе всех к земле, должен иметь сильнейшее действие, и сколько понять можно, гораздо чище земли, также окружен тончайшим воздухом, в котором жизненный дух всего более обитает; что, наконец, месяц и ко всем планетам всех ближе, а потому, конечно, множество золотых жил имеет. Он ссылаясь особливо на видимые им там бугры; и что каменные горы почитаются лучшею маткою для жизненного духа; и потому в сем свете необходимо должны быть самые чистые металлы; что сии металлы в рассуждении своей пользы предпочитаются золоту, и что я моим соотчичам, коих сохранить стараюсь, делаю великую обиду, от них отпираясь; понеже от купечества обоих народов обеим землям великая польза должна последовать.

Я отвечивал Его Превосходительству, что ничего столь много не желаю, как чтобы все его предприятия к его и общей пользе совершились; но что могу его уверить точно, что все ему мною о себе сказанное настоящая правда; что я сам не думал, чтобы в месяце были жители, о чем господину выдумщику докажу ясными доводами, в присутствии Его Превосходительства, если он согласится как оные, так и возраже-

ния на то выслушать; и что когда Его Превосходительство о успехе сего путешествия точно уверен, то я с удовольствием готов к услугам его жертвовать моею жизнью. *«Изрядно, — сказал Министр, — я велю поутру завтра прийти выдумщику, и ты также приди ко мне к обеду; кроме же вас, никого к себе не пущу, и надеюсь, что основательные его доказательства выведут тебя из сомнения. Хотя я верю, что сказываешь мне о себе правду, однако в рассуждении другого недостает тебе довольно обширного разума».*

На другой день пришел я к Его Превосходительству и, нашед там помянутого выдумщика, который по оказании мне обыкновенных учтивостей начал говорить мне следующее: «Мне весьма досадно, что в предложениях моих имею соперником того, от особенной прозорливости которого ожидаю важных возражений, коих я, невзирая на все мое прилежное размышление, никак найти не мог. Хотя мне не очень приятно, что мои предложения не приняты, однако буду иметь ту пользу, что научусь чему-нибудь такому, чего я до сих пор не знал. Его Превосходительство изволил мне приказать открыть вам те причины, кои побуждают меня думать, что месяц обитаемый свет. Сей приказ хочу я исполнить, но в свидетельство моего мнения не хочу прежде всего приводить древних Философов как сей, так и соседней земли, кои одного со мною мнения были, потому что о них упомянул я и в моем проекте; но сошлюсь на некоторые ясные доказательства, на коих справедливость моего мнения основывается.

Во-первых, говорю я, что месяц есть непрозрачное, тенистое и земле нашей подобное тело, следовательно, к содержанию своих обитателей таким же определено образом; что же он тело непрозрачное, то можно доказать отражением света, заимствуемого им от солнца».

«Государь мой! — сказал я ему на то, — вы то почитаете подлинным, что еще не совсем доказано; ибо весьма возможно, что месяц сам в себе тело светлое; а сие заключаю я из того, что свет месячный в одно время в разных местах виден бывает; свет же, происходящий от тела, дающего от се-

бя свет единственно отражением лучей, виден бывает только в таком пункте, в котором угол отражения равен углу падения».

На сие отвечал он мне, что мои выражения не могут пригодны быть в рассуждении негладкого и неровного тела, каков месяц. «Что он тело непрозрачное и тенистое, — продолжал он, — то явствует из затмений солнечных; ибо светлое тело не может лишить нас света солнечного. Когда же месяц затмевает солнце таким образом, как земля месяц, то из того заключают, что оба сии тела одинакого свойства, понеже одинакие причины и действия одинакие производят. Под одинаким свойством разумею я, что они оба тела непрозрачные и тенистые; а чтоб сие еще лучше доказать, то делаю я сие заключение: ежели сия планета свой собственный свет имеет, то должна казаться гораздо светлейшей, когда она затмевается в приближении или когда она от земли в ближайшем отстоянии; а свет ее должен быть гораздо слабее, когда она в отдалении или когда от земли весьма далеко отстоит; ибо, чем ближе какой свет в глазу, тем сильнейшее действие производит. Сверх того, тень, от земли исходящая, не могла бы затмевать свет месяца, ежели бы он имел оный, но паче сделала бы оный гораздо виднее.

Искусство научает нас, что месяц, когда он в отдалении затмевается, являет гораздо более света, нежели когда сие затмение случится в приближении; следовательно, не имеет он от себя самого ни малейшего света. Тень, которая его затмевает, есть не что иное, как лишение света солнечного, происходящее от вступления между ими земли.

Я бы мог привести другие доказательства; однако, для избежания излишнего убеждения, обращаюсь к моему проекту, зная, сколь драгоценна Вашему Превосходительству всякая минута. Теперь же должно мне несколько объявить о главных частях, составляющих сию планету, как то, напр., о морях, о твердой земле, о находящихся там жителях, о случающихся в воздухе переменах и о временах годовых». Тогда Его Превосходительство сказал: «Я вижу, что ты не исполняешь данного тобою обещания, то есть, чтобы все мне рассказать короче. Ты все сие изобразил на письме. Я весьма доволен,

что ты в проекте своем показал, что месяц такой же свет, как и наш, и что наша земля такая же планета, как оный. Но я хочу теперь охотно слышать, не имеет ли Пробузомо объявить чего важнее против предприемлемого туда путешествия. Ибо, что касается до расстояния, которое по твоему начислению простирается до 179712 лапидов (или Аглинских миль), то оное ничего не значит, потому что у нас есть такие Каклогальяне, кои, имея на 8 дней запаса, на каждый день перелетают по 480 лапидов, и таковое путешествие могут производить несколько дней. Но такая скорость не нужна, ибо, по твоим сказкам, перелетев вверх 5 лапидов, можно достигнуть и до Атмосферы, и после того должно иметь только осторожность, чтобы не так скоро вниз опускаться. Скажи же мне, Пробузомо! что ты о том думаешь; а я дам вам искусных носильщиков».

На сие отвечал я так: «Когда Ваше Превосходительство приказывает мне объявить вам мое мнение, то осмеливаюсь представить вам некоторые затруднения, кои сие предприятие делают безуспешным, а именно: чрезвычайная стужа воздуха и чрезмерная оного тонкость. Сверх же того, сие путешествие так далеко, что если бы ваши Каклогальяне и по 1500 лапидов в день перелетали, то бы не могли совершить оное в 6 месяцев; при том же, на дороге нет ни одного постоянного дома, ниже такого места, куда бы можно было заехать для отдыха; и положим, чтобы на все сие время можно было съестных припасов забрать, однако весьма непонятно, чтобы могли лететь, не имев нигде покоя и сна».

Его Превосходительству показались сии трудности такими, кои требовали рассуждения, и для того спрашивал выдумщика, каким бы образом сему помочь.

«Что касается до первого возражения, — отвечствовал он, — то, хотя правда средний слой воздуха весьма холоден, однако ж не столько несносен; а еще менее можно думать, чтобы находящийся еще выше воздух был такого же свойства; но напротив того, чаятельно, что холод не от часу более прибавляется; следовательно, мы не с великим трудом произвести можем наше путешествие, да еще и не в весьма долгое время. Ибо густого воздуха, которым земля со всех сто-

рон окружена, один квадратный цол весит 108 липариев (липарий будет по нашему весу близко шестой части фунта); итак, мы легко можем сделать начисление, сколь велико пространство того воздуха, чрез который нам путешествие должно. Когда исчислим, сколько нужно оно для содержания сего земного шара, то из того будет следовать, что средний слой воздуха умерен. На другое же возражение отвечаю я, что тонкость воздуха не почитаю ни мало за препятствие. Ибо к земле ближайший воздух, а особливо находящийся над сухими местами, откуда никаких не исходит паров, столь же может быть редок от солнца, как и среднего слоя. Я заключаю сие из тонкости воздуха, находящегося на верху горы *Тенеры*, где, как объявляют, никто жить не может. Но я из любопытства сам взлезал на сию гору, взяв с собою мокрую губку, посредством которой довольно долгое время мог производить дыхание. Однако приметил я, что мало-помалу начал уже привыкать к сему воздуху, так что дышать там было мне весьма свободно; и как, пробыв там несколько дней, оттуда полетел обратно, то густой воздухе показался мне сначала весьма тягостным; из чего я заключил, что и к самому редкому воздуху привыкнуть можно. И понеже во все время пребывания моего на горе не чувствовал я ни малейшего голода, то должен еще сему воздуху приписать и силу пищи. А что сие не одно только пустое воображение, то видимо из того, что уж живет только спиртом, находящимся в воздухе, который во всех животных есть началом жизни. Если же сие подвержено сомнению, то можем с собою взять разных съестных припасов.

Что же до нас самих касается, то ясно нам из Философии известно, что сколь скоро выйдем из магнитной силы земли, то не будем иметь в себе никакой тягости. Ибо тяжесть ни от чего другого происходит, как только от притягательной силы земли; итак, где ее не будет, там можем одышать и садиться, где захотим. А понеже тогда не будем мы уже иметь никакой тягости, следовательно, не будем терять никаких сил, то не будет нам нужды ни в пище, ни во сне».

Тогда Министр, встав, сказал ему, что он совершенно доволен сим его ответом, и что его только то одно несколько

тревожит, что сие путешествие не скоро окончиться может.

«Милостивый государь! — отвечал выдумщик. — Не думаю я, чтоб столь много времени требовало сие путешествие; ибо, как скоро мы выедем из окрестностей земли, которые делают величайшее в пути затруднение, то далее поедem уже с невероятною скоростью, а особливо, когда станем подъезжать к пределам месяца, который будет иметь тем сильнейшее действие по причине тяжести нашего запаса, коего мы для всякого случая с собою возьмем, и который вне атмосферы не будет больше служить нам бременем; таким образом, то, что насилу тысяча Каклогальян вверх поднять могут, один будет нести с большею легкостью».

Министр смотрел на меня пристально, приметя, что я сей ответ не находил довольно основательным; однако просил меня, чтобы я был пободрее, что он отправит с нами довольное число носилок и что мы, нашед другой слой воздуха весьма холодным, можем назад возвратиться.

Весь город ни о чем более не говорил, как о поездке нашей в Месяц; для того набрано было великое множество Каклогальян, кои могут летать весьма скоро, обещая им за то великую плату; у каждых носилок края были заострены, дабы тем удобнее можно было разрезывать воздух. Для носильщиков поделаны были теплые епанчи и дорожные шапки; носилки же для выдумщика и для меня были убиты пухом.

Учреждена была также компания, и уделы от богатства, которое мы должны были привезти из Месяца, продавались; и тех почитали весьма счастливыми, кои могли прежде подписаться. Сии подписки были продаваемы за 2000 процентов; и целые два месяца, чрез которое время мы к нашему путешествию приуготавливались, 500 лакеев ходили с сими подписками и ими торговали. Шквабавы, Вулшу-аквиляне, Министр и некоторые из Великого Совета получили продажей сего мнимого сокровища до 5000000 шпасмов чистыми деньгами.

Сие открыло мне глаза, и я нашел, что рассуждал весьма неправо и понапрасну хулил Министра, что он принял такой проект, который мне казался вздорным и нелепым.

Я одним днем осмелился сказать ему, сколь казалось мне сие странным; однако при том поступил я с приличествующим почтением высокой его особе, и не упустя превознести его похвалами. Он мне отвечал, сколь много он опасался, чтоб я не усмотрел более, нежели для меня нужно и полезно, если бы я не имел столько же скромности, сколько и проницания. Сие сказал он мне с таким видом, который показывал, что любопытство мое может мне быть вредно. Я пал к его ногам и просил его, чтоб он меня лучше лишил жизни, нежели возымел ко мне какую-нибудь недоверенность в рассуждении моего к нему усердия и верности. «Что я осмелился сказать Вашему Превосходительству, — припомнил я, — того бы, конечно, никому другому не открыл; я надеялся, что вы меня довольно знаете и о моей скромности точно уверены». «Знай, — сказал он мне на то, — что Министры трудятся, подобно кротам, и открывать их намерения столь же опасно, сколько и на жизнь их покушаться. Я верю тебе; но если бы другой кто говорил со мною таким образом, то бы я привел его в такое состояние, чтобы он никогда сего третьему не сказывал».

Путешествие в Луну

По приуготовлении к путешествию нашему всего нужного и по отослании носилок со съестными припасами на гору Тенеру, где нас ожидать надлежало, имел я отпускную аудиенцию у Его Величества, Государя Каклогальянского, и у его Шквабав; после чего и от Его Превосходительства получил последние инструкции. Он мне вручил указ, который велено мне было распечатать на вышеупомянутой горе, отстоящей от города на 1000 миль.

При прощании моем с ним желал он благополучного пути и сказал мне, что он приказал шести весьма сильным Каклогальянам быть мне во всем послушными; и что он полагается в послании нашем на мой разум и верность. Я ему отвечал на то приличным образом, и потом возвратился в

мою комнату, где нашел выдумщика, который спрашивал меня, намерен ли я завтрашнего утра выехать. Я спрашивал его, что если предприятие наше удастся, то каким образом сокровища привезти можем. «Если мы счастливы будем, — отвечал он, — и искомое нами богатство найдем, то в другой раз поедем с колясками. Однако мне хочется от золота отделить дух и по возвращении нашем сообщать оный свинцу, так что после столько будем иметь золота, что все улицы можно вымостит оным, ибо одною гранью можно целую унцию свинца сделать золотом. Итак, когда из куска величиною в один штивер сего золотого духа можно будет сделать 24 унции золота, то подумай, какое несчетное богатство привезем мы с собою, располагая, что носильщики в одной носилке могут снести пятьсот фунтов».

На другой день поутру в 3 часа отправились мы в путь, и в 4 часа доехали до горы, где остановились для отдохновения и где я, нашед случай один остаться, распечатал указ, который был следующего содержания:

«Понеже искусство довольно доказало, что ты основательный имеешь разум и посредством своей верности и особенного знания труднейшие и сокровеннейшие дела отправлять можешь, то Его Величество, Всемилостивейший Государь Каклогальянский, не нашел никого способнее, кому бы мог поручить исполнение сего толь важного предприятия. А чтобы намерение Его Величества можно было тем наискорее достигнуть и ты о собственной своей пользе тем наиболее старался, то наипаче имеешь исполнять следующее: всего более должен ты приказать *Волатилию*, который был причиною сего путешествия, идти за день прежде тебя на верх горы, дабы мог тебе дать обстоятельное известие о свойстве тамошнего воздуха; и когда найдешь оный сходный с своею природою, то ступай за ним; если же ты достигнешь верха горы, и воздух там столько будет тонок, что невозможно будет дышать, то сойди обратно на низ и отправь гонца к Его Величеству, а *Волатилия* заключи в оковы; одного же из шести отправленных с тобою служителей пошли вперед. Сей *Волатилий* и вся свита должны тебе повиноваться, пока доедете до атмосферы; ибо тогда уже должен

ты будешь и все с тобою находящиеся ему последовать, что принадлежит до дороги, по которой вам ехать. Если же можешь на верху горы иметь свободное дыхание, то прикажи Волатилию за день пред собою отъехать и на другой день возвратиться; после чего немедленно отправь с сим известием гонца и ожидай дальнейшего наставления. Не нужно говорить тебе, что публике необходимо должно подать надежду, что все идет с особливym успехом, хотя бы и противное тому случилось; бесполезно также кажется подавать тебе в том пространное наставление».

Последуя сему повелению, послал я Волатилия наперед. Как достиг он верха горы, где воздух нашел столь тонким, что принужден был употреблять для дыхания мокрую губку, то носильщиков отослал назад и отправил ко мне с известием, что он еще день пробудет в пути и потом приедет на то место, где его товарищи ожидали и куда бы и я отправился. Притом просил меня, чтобы я помешкал посылать гонца к Его Величеству, пока он со мною не увидится.

Я сам пошел на средину горы, где заметил чрезвычайную перемену воздуха, который был весьма тонок. Волатилию прибыл ко мне в назначенное время и сказал, что он не сомневается о счастливом успехе нашего предприятия, воображая себе, что воздух второго слоя еще гуще того, который землю непосредственно окружает; что он также надеется, что на верху горы воздух не холоднее и, следовательно, мы будем иметь свободное дыхание и сносную стужу. Я отвечал ему, что мне кажется гораздо сходнее с естеством, что прежний воздух на земле гуще верхнего, ибо тяжелое тело всегда упадает. «Сим еще не доказывается, — перервал он речь мою, — ибо воздух, окружающий непосредственно землю, гораздо сильнее оною притягается, нежели отдаленный, подобно, когда поднесены будут к магниту два куска железа, то всегда магните сильнее к себе тянет тот, который к нему ближе. Итак, если положим, что воздух бывает равной густоты, когда мы отдаляемся от земли, которая чрез отражение жара от гор вокруг находящийся воздух делаете гораздо тонее того, который находится вверху оных, то ясно видно, что гораздо легче можем иметь дыхание, ибо я, не про-

быв еще и 6 часов, оставил губку».

По сем отправил я нарочного с полученным известием и положил ожидать на верху горы дальнейшего повеления. Я был еще на довольном расстоянии от верха горы, но уже принужден был употребить губку, и не прежде суток мог ее оставить. Каклогальяне могли легче дышать, нежели я; но напротив того, несноснее был для них холод, а особливо ночью. Мы тут пробыли целые 8 дней, дабы хотя мало привыкнуть к сему воздуху,

В седьмой день приехал ко мне посланный и привез как Волатилию, так и мне грамоты к Государю, в землю которого мы ехали, с тем повелением, чтобы мы путь наш продолжали. Сей посланный рассказывал мне, что сколь скоро содержание моего письма обнародовали, то весь город был иллюминирован, и такое множество заказано было делать колясок и носилок, что он думал, что по возвращении своем никого не найдем без оной. Грамоты наши гласили так:

«Гиппомене Коннуференто, Великий Государь и Владелец пространнейшего на всем земном круге государства, Раздаватель королевств, Судья Королей, Защититель справедливости, Свет мира, Радость солнца, Увеселение смертных, Бич мучителей, Покровитель притесненных, посылаем сильному Владетелю Луны и Государю сея прекрасные Планеты наш поклон.

*Дражайший и любезнейший брат!
Сильнейший Государь!*

Понеже как во времена наших предков, так уже и в наши века сомнением колебались, обитаема ли Луна или нет, то Мы, имея всегда особое желание к споспешествованию общего блага, и твердо надеясь, что Между сими двумя светами к общей их пользе доброе согласие восстановлено будет, отправили Наших двух Послов, Волатилия и Пробузомо, с тем, чтоб найти путь в Ваш свет и Вас сколько возможно уверить, что Мы ничего так много не желаем, как восстановить взаимное вечное дружество и

сыскать случай доказать Вам самым делом Нашу преданность; и в сем намерении просим Вас отправить и в Наш свет Ваших Послов, с коими бы могли советовать об общей пользе. Наконец, Послов наших препоручаем Мы Вашему покровительству. Прощайте. Дана при Нашем дворе и пр.

Волатилио последовал сему повелению и полетел вверх, одевшись весьма тепленько и взяв с собою двух служителей. Он ехал так скоро, что мы в короткое время потеряли его из виду. Десятеро из свиты летели за ним часа с три, дабы узнать, в которую сторону он путь свой направит.

Для избежания же паров, поднимающихся вверх от солнечного зною, и которые бы препятствовали ему ночью в пути, отправился он на самом рассвете. Как скоро провожаемые его назад возвратились, то я отправил ко двору нарочного с известием, что как тонкость воздуха, так и стужа нам в пути ни мало не препятствуют. Сия ведомость была причиною, что всякий с великою жадностью покупал акции новой компании за такую цену, какую требовали.

Следующего дня ввечеру возвратился к нам Волатилио. Как скоро он меня увидел, то вскричал: «Радуйся, любезный друг! я достиг атмосферы и нашел, что догадки мои были основательны. Ибо, как скоро вылетели мы из пределов магнитной силы земли, то на воздухе сидели так точно, как на твердой земле; воздух там умеренный, и нимало не тонее здешнего». Тогда отправил я вторично нарочного ко двору с сим известием; но понеже придворные распродали уже все свои акции, то разгласили по всему городу, что Волатилио назад не возвратился, а потому и я начал сомневаться о счастливом успехе в нашем предприятии и думал, что он, конечно, умер.

Сие вселило в жителей такой страх, что цена акций вполнину умалилась. Придворные не покупали, да и не продавали их более, потому что чрез своих поверенных раздали по другим, хотя и объявляли, что они имеют их еще довольно количество. Я говорю здесь о таких придворных, которые всю тайну знали.

Посланный от меня возвратился назад и привез мне тайное повеление, чтобы разглашенное подтвердить известие, что я и принужден был учинить. Притом в особливом о том нам указе приказано было пробывать на месте 8 дней. Сие Волатилию весьма не понравилось, да и я должен признаться, что сия ведомость произвела во мне великое любопытство, и медленность сия казалась чрезмерно неприятною. Со всем тем, должны мы были повиноваться тому без всякого размышления. Возвратившийся посланный рассказывал мне, что после последних моих писем упали акции пятью процентами, что на улицах везде слышны были стенания, так что не мог он довольно описать происшедшую от того перемену. В письме, полученном мною от Министра, приказывано мне было уведомить его, что Волатилио назад возвратился и что, не нашед никаких препятствий, приуготовляюсь я к продолжению пути. Наконец объявлял мне в оном, что двор скупил великое множество акций и, чтобы я ни мало не сомневался быть при том забыту и, не дожидаясь более никаких наставлений, поспешал своим путешествием.

Я тотчас объявил нашим спутникам, что на другой день выедем, что и воспоследовало, и в тот день, как мог я приметить, перелетели мы 180 миль. Всего же более привело меня в удивление, что, препроводя в пути не более полутора часа, Волатилио вышел из колясочки и, поджав крылья, подошел ко мне, при чем говорил, чтобы и я также вышел из колясочки. Носильщики мои остановились и подтвердили его речи, говоря при том, что они за четверть часа чувствовали мою тяжесть, которая, однако же, мало-помалу так уменьшалась, что наконец ни мало не чувствуют оной.

Тогда вышел я из колясочки и увидел, что Волатилио говорил правду; и я 500 фунтов мог там поднять с такою же легкостью, как на земле перо. Стужа была уже не так велика, но, напротив того, чувствовал в себе особливую бодрость.

Я хотел было половину носильщиков отослать назад; однако Волатилио был такого мнения, чтобы оставить их еще у себя на один день; ибо может быть, говорил он, и во всех их, кроме только наших носильщиков, не будем иметь нужды; потому что, ежели жизненный дух, содержащийся в воз-

духе, достаточен будет к нашему сохранению, то не нужны нам будут никакие съестные припасы.

Я согласился на сие предложение, и мы продолжали путь наш с несомненною надеждою, что скоро приедем в окрестности Луны, которая была ближайшая планета.

Нет нужды отягощать читателя примечаниями, которые делал я в сем путешествии. *Галилей*, который письмами своими подает мне повод думать, что он был в сей планете, хотя в том, не знаю, для каких причин, и не совсем признается, описал все примечания достойное в своей *Системе Мира*.

Следующего дня Волатилио хотел с съестными припасами отослать; однако я почел за нужное подождать еще день, дабы после не потерпеть от того какой нужды.

Мы в том согласились; и как никто из нас не чувствовал ни аппетита, ни слабости, ниже умаления сил, то отослали всех, кроме только моих носильщиков, и потом продолжали путь свой со всевозможною скоростью.

Во все сие время, которое продолжали целый месяц прежде, нежели достигли мы окрестностей Луны, ни один из нас не хотел ни спать, ни есть, и никто не был утружден, невзирая на то, что мы ни на минуту глаз не затворяли. Сколь же скоро вступили мы в сии окрестности, то как носильщикам, так и Волатилио стоило весьма много труда отвратить то, чтобы не разбиться об горы; ибо мы с неописанною скоростью вниз спускались и я чрезмерно опасался, чтобы не произошло с нами какого несчастья.

Сие воображая, страшился я всего более, чтобы отпущенные нами Каклогальяне не претерпели какого бедствия при опущении своем на землю; однако Волатилио уговорил меня, чтоб я ничего не опасался. Ибо, говорил он, магнитическая сила магнита не имеет ни малой соразмерности с величиною оною, потому что часто самые большие магниты не так сильно притягивают, как средние.

Ободраясь несколько от страха, в который приведен я от быстрого низпущения, взирал я на околележащую землю с неменьшим удивлением, как и удовольствием. Природа казалась там весьма различительною; и куда только глаза свои

ни обращал, везде представлялись мне приятнейшие луга, испещренные прекрасными фиалками, розами, лилеями, ясминами и многими другими нашим жителям совсем неизвестными благовонными цветами, поражающими как взор, так и обоняние. Красота сих благовонных цветов зеркалась во извивающихся по испещренным холмам источниках и украшала берега оных. Горы чрезвычайной высоты представляли глазам нашим также редкое зрелище. Леса, паствы, долины и небольшие морские заливы были с столь удивительною красотою и порядком между собою соединены, что все сие казалось более действием искусства, нежели самой природы; земля испускала из себя весьма приятный запах и была столь чиста, что ни мало рук не марала. Кедр, растущие посреди гор, были весьма прямы и высоки, и столь толсты, что семь человек насилу обхватить могут. Вокруг произрастали виноградные древа, коих пурпуровые кисти в великом множестве чрез свои листья далеко достигающих ветвей властно как бы на приходящих взирают. Лилей, фиалки, гвоздички и тюльпаны покрывают внизу гор лежащие долины, зеленеющая земля произносит целебнейшие травы и растения, из коих оживотворяющий запах по воздуху распространяется и кои, без малейшего примесу корыстолюбивых врачей, обитателей Луны от всяких болезней предохраняют.

Небо здесь всегда ясно; никогда не затмевается оно громовыми тучами. Тихие зефиры играют листочками и сопровождаются прельщающим пением птиц прекрасных. Моря здесь никогда не возмущаются бурей, и пловцов своих страшными валами не угрожают погибелью. Эол и со всеми запальчивыми своими детьми изгнан из сей блаженной страны, и только лишь самые тихие ветры по наполненному приятным запахом воздуху развевают. Одним словом, все являло чрезмерную красоту, и кажется, что природа все свое совершенство в сих местах истощила, и сама тем веселится.

Таковым приятным запахом, распространенным по сею, так сказать, земному Раю, приведен был мой дух в такую силу, и сими всюду представляющимися красотою столь прельщен, что я, исполняясь восхищения, возопил: «О, Ис-

точник премудрости! вечный Свет всех миров! С каким благоговением могу изобразить Тебе благодарение души моей? Кто, зря здесь красоты Твоего создания, действие единого Твоего слова, не признает бесконечной Твоей власти, всеведения и неизреченного милосердия? Чьи уста не возвестят хвалу Твою? Какое жестокое сердце не воспалится Твоею любовью, о, предвечный Создатель мира! Умилосердись над слабостями моими; и когда не могу воздать Тебе достойную милости Твоей благодарность, то оправди искреннее движение моего сердца, коего никак выразить не в состоянии».

Между тем, как я говорил сие на Каклогалинском языке, подошел ко мне Волатилио и сказал: «Пробузо! Как может тленная тварь воздать достойную благодарность предвечному Существо? Итак, да принесем Ему таковую, которая от сил наших зависит.

Добродетельные наши поступки изъявляют наше благодарение; взаимная любовь должна сообразоваться с милосердием Божиим, и мы ничем иным не можем пред сим высочайшим Существом любовь нашу засвидетельствовать, как когда смертным, сколь ни много бы от нас и между собою они разнствовали, творим дела, воле Божией угодные. Я весьма радуюсь, что в мнении моем о тебе не обманулся. Я по жизни твоей при толь испорченном и беспорядочном дворе узнал, что ты почитал только одно высочайшее Существо; и сего-то ради избрал тебя товарищем в сем никем не воображаемом путешествии, лаская себя надеждою, что небо дарует мне благословенный в сем предприятии успехе, зря в путешествии моем такового спутника. Я должен ко стыду нашего народа сказать, что мы Божество признаем только едиными словами, а делами своими совсем тому противное показываем. Мы знаем, что сие Божество есть чистота непорочная и правосудие высшее, и что в жизни нашей должны святым свойствам Его последовать, когда хотим получить Его к себе милость и защищение; однако, невзирая на сие, делаем совсем тому противное, как будто было то путем, ведущим нас к блаженству».

Но как мы почувствовали голод, то спустились с горы, у подошвы которой, нашед великое множество оливковых,

грушевых, абрикосовых, цитронных и других деревьев, утолили несколько свой голод сими плодами; после чего сел я опять в колясочку, а Волатилио пошел наперед, и старались найти жителей сего места. Мы поднялись наверх столь высоко, сколько нужно было для удобнейшего обозрения сей земли.

Спустя несколько часов усмотрел Волатилио один дом, который был столь велик и высок, что я, имея не столь быстрое зрение, как Каклогальяне, почел оный горою. Я объявил ему мое мнение, однако он меня уверил, что я в том обманывался. Мы продолжали наш путь и наконец опустились неподалеку от сего дворца. Я могу назвать сей дом таким именем в рассуждении огромности и великолепной архитектуры оного. Нас усмотрели еще далеко; почему множество народа нас, а особливо меня, окружили. Исполинный рост сих жителей привел как меня, так и бывших со мною Каклогальян в немалый страх.

Они были различной величины, от тридцати до полутора фута. Некоторые из них были столь же толсты, сколько и высоки; другие имели надлежащую пропорцию, а иные были как сосны, немногим толще меня, но высотой футов во сто.

Я вознамерился скрыть сколько возможно мой страх и, вышед из моей колясочки, отдал всему собранию поклон; однако в то самое время приметил, что чем ближе я к ним подходил, тем далее они от меня отбегали и, как свеча от движения воздуха, от меня уклонялись.

Когда я останавливался, то и они то же делали. Я удивлялся их образу и всему тому, что в них усматривал; но всего более удивило меня, когда я увидел, что один из самых больших сделался самым малым карлюю и, не имея крыльев, полетел вверх, ухватя притом в каждую руку за волосы по одному величайшему исполину.

Они были одеты все разным образом; иные, наподобие Полководцев, были в латах; другие, подобно духовным, в широких и долгих кафтанах, а иные наподобие судей.

Некоторые были столь хорошо одеты, сколько воображение сделать может; со всем тем, с скоростью их мыслей

переменялось и их платье. Тот, который прежде имел на себе старый и изорванный кафтан, вдруг одевался в порфиру и возлагал на себя корону; напротив того, тот, который был прежде щеголем, показывался вдруг в рубище; жрец в Офицерском платье, а Генерал в Квакерском.

Я стал безмолвен от удивления; и как старался познать тому причины, то вдруг увидел я одного едущего к нам на льве человека, который был такого же роста, как и жители нашей земли; на голове имел лавровый венец, который в мгновение ока превратился в дурацкий шлык, и изо льва его сделался осел. Он вынул из-за пазухи свернутую бумагу, которою, действуя вместо меча, ударял других и всех разгонял. Иные бегали по морю, как по твердой земле; иные летали по воздуху, иные проваливались в землю. Потом сошел он с своего осла и снял с него узду, отчего оба они исчезли.

Я, свободясь от страха, говорил Волатилию, что в сей планете, конечно, живут злые духи. На то отвечал он, что из виденного нами и он ничего другого заключить не может. Мы хотели осмотреть дворец, однако увидели, что онный поднялся на воздух, отчего сделалось великое пламя и дым, что нас еще больше в нашем мнении подтвердило. Но, на все сие невзирая, вознамерились мы идти далее; однако один из наших носильщиков сказал нам, что в левой стороне видит он дом и мне подобных людей, которые к нам идут.

Мы положили дожидаться их прибытия; и они, чрез четверть часа к нам пришед, говорили мне что-то, сколько я мог понять из их ухваток, весьма ласковым образом и, смотря на Каклогалян, весьма удивлялись. Я сам не менее удивлялся их пригожству и пристойному одеянию; но ни того, ни другого не могу описать точно. Словом, как Каклогалянам, так и мне самому казалось, что я такого же был рода, хотя несравненно гаже.

Сии люди не имеют ни телесного, ни душевного существа; но суть существо среднее. Они мне говорили на каком-то языке, которого я не разумел; однако голос и мягкость их выговора являли весьма приятное согласие. Я поклонился трижды и подал мою грамоту, которую принял от меня

одив из предстоящих, но киванием головы дал мне знать, что он ничего там написанного не понимает. По сем Волатилио зачал с ними говорить; однако они только смотрели друг на друга с удивлением; и так, говоря уже с ними и по-Каклогалянски, хотел испытать, не будут ли они меня разуметь, когда с ними стану говорить на каком-нибудь Европейском языке; ибо я сверх моего природного языка говорил еще по-Гишпански и по-Французски. После всех зачал я говорить по-Аглински, и к великому моему удовольствию один из них отвечал мне на сем языке. Он спрашивал меня, не из того ли я света и как мог предпринять столь опасное путешествие. Я отвечал ему, что о всем его охотно уведомя, прося его при том, чтобы он дал мне несколько времени на отдохновение, ибо виденные мною сперва лица такой страх вселили, что и по сих пор не могу от одного освободиться.

Между тем, как я сие говорил, вдруг прискакал ко мне один человек и хотел меня изрубить; однако сколь скоро Лунный обитатель махнул ему рукою, то он вдруг исчез. «Не опасайся ничего сей тени, — сказал он мне, — это души жителей вашего света, отделившиеся сном от своих телес и собравшиеся опять здесь; они в то краткое время, которое им здесь быть можно, подражают своим господствующим страстям и испытывают все то несчастье, которого они на земле страшатся. Посмотри, — сказал он, — там идет злодей на виселицу; и душа его ощущает такое мучение, как будто бы приговор действительно совершается. Любовь наша обязывает нас, видя таковые мнимые несчастья, прогонять души в их телеса, что делаем единым движением руки; после чего мучающийся во сне тотчас просыпается. Мы можем их и у себя удерживать посредством данной Лунным жителям силы; и как иногда весьма забавны бывают, то часто употребляем их к нашему увеселению, а сие-то самое есть причиною долгого их сна, который дня два, или три, а иногда и несколько недель продолжается, что кажется вашему свету толь удивительно. Души ваших нечистых во сне погруженных людей не возлетают никогда выше среднего неба. Но теперь уже время отвести вас в наше жилище, где к угощению вашему всевозможное приложено будет старание;

но скажи нам, каким искусством выучил ты своих птиц говорить и где ты таких больших нашел?»

На то сказал я ему, что то разумные твари, и что теперь не допускает время рассказать ему их историю подробно. По сем представил он меня прочим Лунным жителям, и Каклогальяне по моей просьбе были очень хорошо приняты, хотя они и почитали их весьма презренными птицами. Волатилио удивлялся тому немало, ибо прежде и он почитал меня уродом. Когда шли мы к дому, то один из Селенитов (Лунных жителей) говорил мне на Гишпанском языке, с природным сему народу человеколюбием и важностью, так:

«Государь мой! я вас почитаю за самого честного и разумного человека, когда ты в наш свет нашел путь, и толико имел мужества, чтобы толь великое предпринять путешествие; ибо нам известно, что прежде тебя никто из смертных не отважился на толь смелое дело или, по крайней мере, никто не имел столь счастливого в том окончания, хотя я и читал все глупости Доминиция Гонзалеца. Сколько ты здесь жить ни будешь, всегда увидишь наше к тебе особое почтение, приличествующее толь великим достоинствам; и мы всевозможные прилагать станем старания, чтобы достиг ты до своего намерения, которое, как я думаю, ничто иное основанием имеет, как только, чтобы приобрести еще большие познания».

Я благодарил его чувствительнейшим образом за сию мне им оказанную благосклонность и сказал при том, что я не стою приписуемой им мне похвалы, и что, любя всегда истину, не могу сокрыть от него настоящей причины, принудившей меня предпринять то, чего исполнение самому мне невозможным казалось и на что покусился я против моей воли; но что, когда судьба сверх моего чаяния привела меня в сей земной Рай, почту себя счастливейшим человеком, ежели позволено мне будет сделать некоторые вопросы, к которым побуждает меня единственно мое любопытство.

Он отвечал мне, что ничего, что бы я знать ни захотел, от меня скрыто не будет. Мы прибыли к дому, который был расположен весьма порядочно и великолепно. Мы сели в одном зале, и тот, который говорил со мною по-Аглински, хо-

тел знать причины моего путешествия, которые я ему, сократив сколько можно, рассказал, и потом изъяснил ему мою грамоту.

Он чрезмерно удивился, слыша объявляемое мною о Каклогальянах, и сказал мне, что если б повествование мое не было основано на очевидных доказательствах, то бы, конечно, почли они все сие за враки сумасшедшего или, по крайней мере, за бредни в жестокой горячке лежащего человека.

«Я вижу, — сказал он потом, — что ты спать хочешь; итак, поди с разумными твоими птицами на покой, а я между тем расскажу моим соотчикам на природном нашем языке слышанную мною от тебя удивления достойную повесть».

И в самом деле, всем нам очень спать хотелось, почему предложение его приняли с удовольствием. Нам всем, как Каклогальянам, так и мне, приготовлены были особливые и толь мягкие постели, притом в толь приятно убранных комнатах, что мне казалось, будто лежал на самом воздухе. Как мы проснулись, то Селениты пришли ко мне в комнату и говорили мне, что уже время приять пищу, и что для моих товарищей приказано принести всяких семян, а я могу ужинать с ними вместе.

«Как! — сказал я нашему Аглинскому толмачу, — разве вы ужинаете днем?» «Ты заблуждаешься, — отвечал он мне, — теперь ночь; мир ваш, против которого расположена наша гемисфера, делает толь сильное отражение солнечного света, что заблуждение твое извинительно». «Откуда же, — спросил я, — получают свет живущие на другой гемисфере?» «От планет», — отвечал он,

По сем пошли мы в зал, где, выслушав одну песнь, сели за стол, на котором было премножество всякого рода салатов и плодов.

«Теперь, — сказал Селенит, — должны вы благосклонно принять то, что мы для вас приуготовить можем, и которое состоит только в том, что земля сама собою производит. Кроме сего, не можем вас ничем потчевать, потому что у нас за ужаснейшее и неслыханное дело почитается питаться жизнью имеющим. Я надеюсь, что и ты с нами в том согласишься,

а особенно, когда у нас плоды гораздо лучше ваших, и никогда не приедаются». Я, в самом деле, справедливость того приметил, и мясо так мне омерзело, что я об нем не мог и вспомнить.

Мы пили вкуснейшее вино, которое они из виноградных кистей в стаканы выдавливали и которое никакой боли не причиняло. После же ужина говорил мне Лунный житель так:

«Я объявил моим приятелям, коих ты здесь видишь и кои приехали ко мне на несколько дней, как содержание письма Каклогальянского Государя, так и причины, побудившие его восстановить коммерцию между обоими мирами; мы все вместе пойдем ко двору нашего Государя, хотя в самом деле и не имеем мы над собою правителя, да и нужды в том никакой не предвидим. Ибо мы оказываемое вами вашему Государю почтение отдаем старейшему из нас, как имеющему ближайшую надежду к вечному блаженству.

Но, чтобы дать тебе некоторое понятие о сем мире и о жителях оного, то должен ты знать, что люди у нас одарены душою и духом. Душа есть хранилище духа, так как тело есть хранилище души. Когда сии последние существа разлучатся, то тело превращается в землю, а душа добродетельного прилетает в сию планету. Мы живем здесь, — продолжал он, — в полном удовольствии и счастливейшем состоянии, которое, однако ж, ни мало не может сравниться с тем, которого ожидаем мы по нашем воскрешении, и столь же усердно оного желаем, сколько вы оного убегать кажетесь. Мы ничего того не забываем, что случилось, когда мы, будучи еще соединены с нашим телом, были жителями вашего мира; и ничто более не приносит нам прискорбия, как только напоминание нашей неблагодарности ко предвечному милосердию во время павшего жития между вами; но великий Создатель мира умеряет сие наше прискорбие, взирая на искреннее наше раскаяние.

Здесь не должны мы удовлетворять страстям, ниже награждать какой недостаток, что от вкореняющихся в чело- века пороков, коих у нас здесь и имена почти безызвестны, происходит. Следовательно, нет нам ни малой нужды ни в

законах, ни в судьях для исполнения оных. Если бы знал сие Каклогальянский Государь, то бы увидел, конечно, сколь тщетно ждет от нас им желаемого золота. Ибо, хотя бы мы и самые превосходные золотые жилы имели, и для взятия их только стоило подрезать дерн, то бы и тогда ни один Селенит не принял на себя такой труд.

В сем месте обитают мир и тишина; природа пребывает здесь в ненарушимом покое. Мы наслаждаемся непрерывною весною; земля сия не произрастает ничего вредительного; у нас никогда не бывает недостатка в съестных припасах; всякая трава служит Селенитам пищею.

Мы провожаем дни наши без трудов, и только лишь то одно попечение имеем, о котором я уже упомянул; стремительное желание нашего воскрешения умножает день от дня блаженство нашей жизни».

«Ты сказываешь, — прервал я тогда речь его, — что только добродетельных души преселяются в сие блаженное место, но я хотел бы знать, что делается с порочными душами, и что тому причиною, что душа, сколь скоро тело во сне погружается, сюда приходит?..» «Определения Всевышнего, — отвечал он, — суть неисповедимы, и потому твоих вопросов я решить не в состоянии». «Приходят ли же сюда, — спросил я, — души Каклогальян, ибо и они также одарены разумом?» «Хотя они и имеют разум, — отвечал он, — однако сюда никогда не приходят».

Я рассказал все сие Каклогальянам, что Волатилию великую печаль причинило. «О, благополучные человеки! — вскричал он, — на которых милосердие Божие столь щедро изливается. О, бедные Каклогальяне! если вы по совершении трудностей сея жизни совсем в Ничто обратитесь! Пробуем! не вели нам в отечество наше возвращаться, но дозволь нам скончать остатки дней наших у сих благополучных детей праведных небес».

Я открыл их желание Селениту; но он, потрясши головою, сказал мне, что сие невозможно. Но что, впрочем, не сомневается, чтобы Божие провидение не наградило добродетельных и из их рода, ибо милость Его и правосудие беспрдельны; и потому не надобно им отчаиваться.

Следующего дня пришло ко мне великое множество Селенитов, и говорили со мною весьма искренно. Я не усматривал ни малого различия между ими, и не заметил, чтобы кто-нибудь из них имел пред другим преимущество. Я спрашивал Аглинского толмача, все ли Лунные жители друг другу подобны, и нет ли у них художников и служителей.

«Между нами, — сказал он, — нет ни малого различия. Тот, который в вашем свете скитался по миру, почтен у нас столько же, как и тот, который обладал целыми землями. Нам не надобны ни служители, ни художники, понеже мы сами все художники; и если кому из нас нужна другого помощь, то получает ее во всякое время: если бы я, например, захотел соорудить себе дом, то всякий почел бы себе за удовольствие учинить мне в том вспоможение». По сем сказал он мне, что следующего дня намерены они представить меня *Абрагию*, старшему их Селениту.

Следуя сему, наступающего утра отправились мы весьма рано в путь и, отъехав милю от дома, сели на корабль, на котором миля с четыре плыли мы по реке, протекающей чрез прекрасную долину, и наконец неподалеку от Абрагиева обиталища вышли на берег. Как скоро сей почтенный старец, которого важный и ласковый вид довольно показывал спокойствие его духа, нас увидел, то, встав с своего места, пошел нам навстречу; и ни чрезвычайная дряхлость, никакие слабости, обыкновенно в нашем свете с глубокою старостью сопряженные, его не отягощали.

Аглинской Селенит представил меня ему; и он объявил мне свое удовольствие, меня увидя. Потом, выслушав мою историю, говорил мне чрез нашего толмача так:

«Сын мой! я надеюсь, что ты от опасного своего пути получишь истинную пользу, хотя чаяние твое найти у нас богатства и тщетно. Я могу дать тебе только сей полезный совет, чтобы ты возвратился в свое отечество и не полагал ни в чем тленном своего благополучия, помня беспрестанно, что никакое сокровище, кроме вечного, которое ни тать не похищает, ниже съедает ржа, не достойно твоего старания. Помышляй единственно о награждениях, приуготовляемых тем, кои дарованиями своими по состоянию распо-

лагают. Рассуждай, сколь мало можно иметь удовольствия в сем мире. Воспомянай всечасно, сколь кратка жизнь, и что мало остается времени, если хочешь пещися о вечном своем блаженстве. Ты теперь в искусе, и должен одно что-нибудь избрать, быть ли благополучным или бедным. Сей выбор останется навсегда невозвратим, полезен ли оный или вреден для тебя будет. Рассмотря со вниманием, какое находится различие между кратким и несовершенным, и между вечным и совершенным счастьем, к которому милосердие Божие призывает, стараясь покоем и миром душевными, яко спутниками добродетельной жизни, побудить к тому, чтобы оное избрали, когда между нами жить желают, и собственными своими врагами быть не хотят. Однако теперь должен ты в землю свою возвратиться; ибо еще никогда не бывало, чтобы кто-нибудь из смертных пришел сюда, не оставя своей плоти; в противном же случае медлительность твоя будет тебе вредна и может спокойствие Селенитов нарушить. Жалость повелевает меня тебя в том предостеречь».

Я поклонился ему весьма низко, благодарил его за такое милостивое напоминовение, говоря, что ничто не удержит меня от исполнения такой должности, за которою следует столь щедрое воздаяние, и что хотя бы оное состояло единственно в том, чем наслаждаются Селениты, то однако приложу свое старание, чтобы принятию быть в общество жителей сих счастливых мест, и тем самым от беспрестанных мучений сей жизни избегнуть.

«Я желаю, — примолвил он тогда, — чтобы ложный блеск мира не воспрепятствовал исполнению сего праведного намерения. А чтобы оказать тебе всевозможную помощь, в той надежде, что ты когда-нибудь к нам придешь, то мы покажем тебе мир в настоящем его виде, то есть, мы удержим на несколько времени души спящих, дабы ты мог видеть, сколь несправедлив и суетен человек во всех своих желаниях. Знай, что душа, оставляющая во сне тело, в состоянии образовать совсем на другое те предметы, которые она ему представляет. Она воздвигает огромные здания, представляет моря, земли, птиц, зверей и все, что только вздумать можно. Прими сперва немного пищи; а потом станем мы тебя

забавлять и в то же самое время подавать тебе наставления».

Стол уже был накрыт и как меня, так и Каклогальян к оному пригласили. Я заметил, что между сим столом и столом Агличанина и моего хозяина не было никакого различия ни в качестве, ни в количествах яств.

По прочтении молитвы сел всякий на свое место и наблюдал глубокое молчание. После обеда взял меня Абрагио за руку и повел в одно приятное поле, которое красотою своею всех искусством сделанных садов превосходило.

«Взгляни, — сказал он мне, — на стоящую здесь тень; рассмотри ее, и познай *попечение* и *бремена богатых*».

Тень сия представляла совсем иссохшее и голодное тело, лежащее на сундуке, наполненном деньгами. По сем показались три ужасные страшилища: *бедность*, *отчаяние* и *смертоубийство*, которые весьма живо на лицах их изображали то, что они представляли. Они старались из окон того старика выломить железные прутья; но в то самое время, как сие делали, все вдруг исчезли. Я спрашивал, что бы сие значило. На то отвечал мне мой провожатый, что страх, в котором старик находился, увидя во сне воров, разбудил его, и чтобы я, если бы он опять заснул, тень его паки увидел. Лишь только успел Абрагио сие выговорить, как увидел я опять того старика с разобранным щеголем, который оказывал ему глубокое почтение. Я довольно внятно услышал, что он ему говорил так: «Не думаешь ли ты, государь мой! что я только из одних денег составлен? и не воображаешь ли ты себе, чтобы все сокровище целого народа в состоянии было удовлетворить твои неистовства? Дружба, кою я к тебе имею единственно для твоего отца, который мне был хороший приятель, побудила меня занять денег у моих друзей, дабы не допустить тебя до крайности. Однако ж посмотрю, не могу ли я еще сыскать тебе тысячу. Я желаю только, чтоб состояние твое позволяло заплатить сию сумму, и чтоб мне от любви к тебе и самому не прийти в разорение. Ты знаешь, что я по тебе поручился, и если заклад, который ты мне дал, не хорош, то я пропаду. Я уверяю тебя, что никак не возмож-

но достать столько денег менее 15 процентов; да еще и слава Богу, вить ныне деньги очень редки.

Мне, правотко, очень жаль, что такой изрядный молодец должен быть без денег. Я за свой труд не получил ниже на пару перчаток. Я знаю, что для тебя это очень неприлично. Я мужик старый и дряхлый; экипаж требует денег, а пешком ходить уже нет моей силы; обстоятельства же мои не позволяют мне держать колясочку; для тебя, свете мой, две гвиней ничего не стоят. Я постараюсь промыслить тебе тысячу фунтов, если можно, за 15 процентов. А если друг мой ниже двадцати не похочет дать, ибо ныне и с самыми хорошими поруками трудно найти денег, то прикажешь ли взять или нет? А я так бы тебе не советовал брать за такой ужасный рост; пожалуй, алчную утробу ничем не насытишь».

Молодой щеголек отвечал ему, что он чрезвычайно обязан ему за его дружество, и что он во всем на него полагается. «Добро, добро, — сказал старик, — приходи ко мне часа чрез два, я посмотрю, что надобно будет сделать».

По сем молодой господин ушел, а старик замкнул двери и хотел, пересчитав свои мешки, вынуть обещанную сумму денег. Но не успел он там поворотиться, как вдруг отворились двери и двое мошенников, вскоча к нему в комнату и связав его, унесли его денежки. Потом вошел к нему в комнату старый худошавый служитель и развязал его. Старик рвал на себе волосы, бесился и совсем казался сумасшедшим, выслал слугу вон и, взяв веревку, хотел удавиться, но в то самое время исчез.

Вскоре потом показался он с несколькими Офицерами, кои того молодого Дворянина вели в тюрьму. Он следовал за ними; но старик освободил его из темницы, взяв от него только крепость на все его недвижимое имение. По сем тюрьма исчезла, и старик показался в прекрасном селе, где молодой Дворянин, стоя пред ним в разодранном платье, отдавал ему оную деревню и получал от него несколько на пропитание. Старик выгоняет вон всех служителей, остается один в огромном доме и печет себе на углях яйцо к обеду. Сын его родной приходит к нему и хочет его погубить, но в тож самое время исчезает. По сем идет он в сад, вырывает яму и

закапывает в оную свои деньги, услыша, что в соседственной деревне были разбойники; и лишь только успел он зарыть свои деньги, как они начали дом его грабить.

По сем скрывается он на короткое время. Кучер его к нему приходит и рассказывает, что сын его умерщвлен. «Так что же? — отвечает он. — Он промотал у меня пропасть денег, а я трачу по крайней мере фунтов сорок в год; теперь же, как будто, получил я наследство».

Он рассказывает ему, что один Лорд обещал ему 500 фунтов стерлингов, если он только увезет у него дочь; однако он ему в том отказал, говоря, что сие с его должностью не согласуется и что он не хочет сделать поношения своему господину. «Ты дурак! — сказал на то старик, — пошел, бери деньги в мою голову, я их с тобою разделю пополам. Ступай, дуралей, чтобы кто-нибудь другой за то не взялся. А Милорд не получит за нею в приданое ни одной полушки. Не жестокое ли бремя дети? Теперь Милорда почитаю я первым моим другом, потому что он хочет взять у меня с шеи дочь. Ступай, веди дочь к Милорду, да приноси деньги. Не упускай же случая, а то деньги пропадут. Побегай поскорее и скажи ему, что ты соглашаешься на его просьбу». По сих словах прогоняет он своего слугу, и на лице его оказывается чрезмерная радость. Потом входит к нему пожилой человек и рассказывает, что биржа затворена, акции весьма упали, война началась и наложены новые подати. Он бьет себя в грудь, вздыхает тяжело и исчезает.

«В сем злодее, — сказал тогда Абрагио, — видишь ты мучение и скорбь, которыми сей несчастный страждет. Любовь его к деньгам лишила его совсем человечества и преодолела любовь его к самому себе; ибо сам поспешает свою кончину, отказывая телу в нужном покое и необходимом содержании только для того, чтобы умножить мешков с деньгами».

По сих словах показалась другая тень, окруженная великою толпою народа, вопиющего: «*Вендитор, Вендитор!*» Он шел пред ними; заходил в каждую избу, спрашивал, каково живет вся семья, целовал баб и говорил всем золотые слова. Здесь нагибался он перед починивальщиком котлов,

там обнимал башмачного заплатчика; в одном месте хватал за руки чистильщика улиц, снимал шляпу перед молочницею, делал ей великие учтивства и просил толпу сапожников, портных, суконщиков, ткачей и домослужителей, чтоб оказали ему честь, пришли к нему отобедать.

Позорище переменяется, и он представляется при дворе. Министры награждают его за прежние рабские его поклоны своими поклонами. Один из них приходит к нему и говорит, что он надеется, что при чтении его дела даст он свой голос в его пользу. Он отвечает, чтобы его от того освободить, понеже он человек честный и старающийся о благе своего отечества, потому что от гибели оного зависит и его несчастье. И потому его просит о прощении, ежели он другого мнения будет, и что думает, что честному человеку никак не возможно согласится на сие требование.

«Вы еще совсем не известны о сем деле, — сказал на то Дворянин, — однако мы поговорим об нем другое время; я постараюсь доказать, что вы меня не так разумели. Теперь же вас поздравляю с чином; *Куроутский* полк порожен и, хотя вы еще никогда не служили, однако храбрый ваш вид и особливые поступки были за вас в Совете предстателями, и вы завтра же получите указ о заступлении сего места». «Милорд! — отвечал сей великий Патриот, — я никогда не ожидал сей милости, и сие тем более причиняет мне радости, что за оную должен я благодарить особливо вам. Я ничего больше не желаю, как только сыскать случай доказать вам мою благодарность; впрочем, прикажите чем-нибудь мне вам услужить, если я могу; я, конечно, сего не упущу». По сем показались три запачканные ремесленника у сапожника в лавке, который был великий краснобай. Держа в руке кружку пива, кричал он своим товарищам следующее: «Послушайте-ка, соседи! есть старинная пословица: *не только света, что в окошке*. Хотя бы кто десятью родился Дворянином, однако же от того умнее не будет; а мы вот худые рукодельники, однако же и в нас есть разум. Сколько ледашных мастеровых людей сделались такими, что поправляли веру, государства и тем прославились в свете очень много! Я многих из них знаю; однако вспомню вам только о *Ваню-*

хе Лейденском. Я не нахожу никакой причины, для чего бы низшая порода препятствовала сделать что великое. Я нахожу весьма много такого, в чем и государство и церковь поправления требуют; итак, я хочу сему помочь, если только вы мне верно помогать обещаетесь. Ибо вы сами должны признаться, что уже и вы почти совсем пропали. Купечество и торговля почти совсем остановились, деньги стали весьма редки, попы наши весьма горды, богаты и ленивы. Надобно быть войне, чтобы деньги между рук ходили, а то в нынешние мирные и бедные времена честный человеку умрет с голоду. В законе у нас есть великое множество таких вещей, с которыми мы не знаем, что делать; они все бесполезны, и их можно бы было оставить, также и множество церемоний, кои только лишь хлопоты делают. Другие его братья, наклоня голову, удивлялись и похваляли столь разумную его речь. Потом вдруг показался он мне пред великим множеством народа, пред которым он проповедовал и вооружался против пышности нынешних времен; говорил им, что то показывает подлую душу, чтобы претерпевать голод и недостаток для того только, дабы господа Дворяне жили в изобилии; что провидение Божие никого не произвело на свет с тем, чтобы умереть с голоду; но, напротив того, каждый имеет право пользоваться тем, что нужно к его содержанию, чего и они искать должны, ибо богатые не хотят с ними делиться.

Потом увидел я его предводителем толпы подлого народа, с коим разграблял Дворянские дома и производил всякие жестокости; и хотя твердил о равенстве, однако со всем тем хотел, чтобы его почитали Государем, отдавал дочерей своих за Лордов, собрал великое сокровище, наконец, пробудился от сна.

Я увидел другую тень, которая представляла ложных свидетелей и учила их, как им клясться, подкупала приказных людей, приказывала изгонять, весить и рубить своих неприятелей, рассылала по иностранным дворам неисчетные суммы денег, чтобы утвердить еще больше незаконную власть свою, подкупала Совет на свою сторону и все захватывала до тех пор, как исчезла. Земляк мой сказал мне, что сия ду-

ша принадлежит телу подъячего, который набил себе голову всякими политическими выдумками и представляет себя первым мерзкой души Министром. Он мне был знаком, когда был я в том свете; он ни о чем более не говорил, как только о вольности, о купечестве, о вольном выборе и сему подобном, и ругал беспрестанно несправедливые и корыстолюбивые намерения. Я видел людей древнего благородного происхождения, кои негодным слугам, которые сводничеством своим достигли высоких чинов, должны были ласкать. Я видел также многих других выдумки, посредством которых старались они приводить в компанию к большим господам своих жен и дочерей, и в предосуждение чести своей фамилии приобретали себе чины. Словом сказать, нет ни одного порока, дурачества и подлости, происходящих на свете каким бы то ни было образом, которых бы я здесь не видел; но описывать их подробно не достанет времени, и потому отлагаю оное до другой части описания моего путешествия.

Между тем, дана мне была целая неделя на удовольствие моего любопытства и рассмотрение всех удивления достойных там вещей, которое время почитаю я самым приятнейшим в моей жизни. По прошествии же оного начали мы приготовляться к нашему отъезду.

Я почувствовал в себе стремительное, всем людям родное желание увидеть свое отечество, когда долгое время в отдалении от оного были, и я не имел уже намерения возвратиться в Каклогалинию; поступки и намерения первого Министра, которого я знал весьма коротко, столь глубоко в разуме моем впечатлелись, что я ко всему Каклогальянскому народу имел отвращение, а особливо когда приводил себе на мысль их законы, обычаи и нравы, из которых иные казались мне противны разуму, а другие варварством наполнены.

Все сии рассуждения побудили меня идти к некоторым из Лунных граждан, коих вежливость мне довольно была известна; я просил их показать мне путь в Европу. Они были столь благосклонны, что подали мне наставление, какой пут избрать по воздуху; и я последовал им со всякою точно-

стью, а особливо, имея при себе компас, который я взял с собою из Англии и который хранил как некую редкость.

Но как надобно мне было склонить к сему намерению Волатилия, то пошел я к нему и говорил, что, не найдя по несчастью золота, не лучше ли возвратиться назад другою дорогою, чрез что, может быть, найдем то, чем как Каклогальянского Государя, так и двор его хотя несколько успокоить в состоянии будем. Волатилио слушал меня со вниманием, и как он имел все свойства склонного к проектам человека, который неудачею в своих предприятиях никогда не устрашается, но от часу более замыслов находит, то на предложение мое с охотою согласился.

Таким образом, отправились мы в путь и по нескольких днях, в которые с нами ничего чрезвычайного не приключилось, прибыли на горизонт Ямайкский. Сей остров был мне довольно знаком, ибо я бывал в нем не единожды.

Здесь рассудил я за благо открыть Каклогальянам невинную мою хитрость. Они удивились и пришли в страх, не зная, как им в отечество свое возвратиться. Волатилио был вне себя. Но я показал им, какую дорогою им ехать, которая лежала прямо к Югу. После чего, подождав они несколько времени, простились со мною, и Волатилио с носильщиками своими от меня улетел.

Я отправился в *Кинигстон*, где, познакомясь с одним морским Капитаном *Манденом*, командовавшим Лондонским фрегатом, рассказал ему мое похождение; и он был столько учтив, что отвез меня в мое отечество без всякой платы.

Примечания

Сочинение никогда не существовавшего «капитана Самуила Брунта» *A Voyage to Cacklogallinia: With a Description of the Religion, Policy, Customs and Manners of that Country* впервые увидело свет в лондонском издательстве Д. Уотсона в 1727 г. Имя автора так и осталось неизвестным, хотя на протяжении лет делались безосновательные попытки приписать «Путешествие» Д. Свифту либо Д. Дефо.

Первый русский перевод книги, озаглавленный *Капитана Самуилы Брунта путешествие в Каклогалинию или в Землю петухов, а от туда в Месяц*, был издан в Петербурге в 1770 г. Вторым изданием книга вышла в Москве у Н. Новикова в 1788 г. В обоих случаях автором был означен «славный английский писатель г. Д. Свифт».

Вторая часть книги, посвященная путешествию Брунта «в Луну», является сатирическим отображением ажиотажа вокруг британской «Компании Южных морей», ставшей крупнейшим финансовым пузырем 1710-1720-х гг.

Текст публикуется по изданию 1788 г. Орфография и пунктуация приближены к современным нормам. Гравюра на фронтисписе взята из первого английского издания.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.